

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ДВОЙНАЯ
ЗАСАДА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Двойная засада

«Автор»

Самаров С. В.

Двойная засада / С. В. Самаров — «Автор», — (Спецназ ГРУ)

На полковника спецназа ГРУ Андрея Буслаева одно за другим совершены два покушения. Офицеру удается уцелеть только благодаря тому, что играть со смертью – его профессия. Причастные к покушениям чеченские боевики, чтобы заманить Андрея в засаду, похищают его брата. Но Буслаев пришел на встречу с бандитами со своими боевыми товарищами. В итоге брат освобожден, банда ликвидирована, однако неизвестные продолжают преследовать Андрея. Кому-то крайне важно уничтожить его без промедления! Андрей догадывается, что происходящее связано с предстоящей командировкой в Чечню...

© Самаров С. В.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Самаров

Двойная засада

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Я хотел наклониться, чтобы поднять уроненную кем-то пятирублевую монету. И в этот момент все понял. Начало движения в сторону меня спасло. Пуля, пролетающая расстояние, на котором сохраняется ее убойное действие, вообще-то летит без звука. Это только на излете она свистит или из какого-нибудь старенького оружия выпущенная, раритетного, тоже свистит... Я бы, конечно, не услышал полет пули, но она, пролетая мимо, обожгла мне горячим воздухом ухо. И в стену в трех метрах за спиной ударилась, штукатурку содрала, потом срикошетила и дальше ушла, по тротуару, кувыркаясь и подпрыгивая, и, слава богу, ни в кого больше не попала. Естественно, я не оборачивался. Некогда было, да и не было необходимости оборачиваться. Судьбу пули я привычно только по звуку определил. Хотя слово «определил» здесь тоже подходит мало. Такие вещи не определяются, они осознаются за мгновения, и тогда срабатывает рефлекс...

Стреляли сверху, под большим углом...

Стрелок, однако, был неважный... Руки, наверное, от нервного напряжения подрагивали, а это для снайпера все равно что свежий лимонный сок в глаза... В городе нет таких расстояний, когда следует обязательно рассчитывать скорость ветра, влажность воздуха и еще множество тонкостей иметь ввиду. А с небольшой дистанции стрелять снайперу полагается точнее... Но я быстро просчитал, что, поскольку выстрела слышно не было, значит, стреляли из винтовки с глушителем. Самая ходовая винтовка с глушителем – «винторез», стреляет только в полуавтоматическом и автоматическом режимах, то есть не надо затвор перед выстрелом передегивать. Следовательно, вторая пуля вот-вот полетит следом за первой с поправкой прицеливания. И потому я быстро скаканул в раскрытую дверь маленького кафе... Как оказалось, рассчитал я правильно, потому что второй выстрел последовал, хотя и с непростительным для снайпера опозданием, и разбил стекло в витрине этого самого кафе. Вообще-то пуля обычно стекло пробивает, оставляя дырку. Но она его разбила, и я, не видя, куда пуля попала, сделал правильный вывод – стреляли под острым углом к стеклу, таким острым, что пуля сумела его разбить. Остальное высчитывать было не надо – в голове все просчиталось само собой, выстроились геометрические углы, и я уже приблизительно знал, что стреляли с чердака здания, в которое упирается небольшая улица, по которой я шел.

Остальное было делом техники... Высокая и короткая стойка бара в кафе не могла стать для меня преградой. При всем своем солидном весе тела, раза в два с половиной, пожалуй, превышающем мой вес, не могла стать преградой и барменша, которая видела, как я вбежал в дверь, и видела, как затем сразу вылетело стекло, и потому решила, видимо, что стекло разбилось из-за моих телодвижений. Она благоразумно намеревалась проявить хозяйственную жилку и задержать меня, чтобы было кому заплатить за новое стекло. Проскочив мимо нее, я нырнул в подсобку...

Я был в приличном цивильном костюме и, естественно, без оружия, потому что в отпуске оружия с собой не ношу. Человек во внутреннем помещении резал большущим кухонным ножом вонючую колбасу. Расчетливо задев его, повернувшегося на шум, плечом и намеренно ударив ладонью под локоть, я поймал падающий нож, сунул его под полу своего пиджака и, не задерживаясь ни на секунду, выскочил через служебную дверь во двор, невежливо не сказав «спасибо» человеку, вооружившему меня, пусть и самым простым, оружием.

Дверь, естественно, тоже невежливо открыл пинком...

Я не знал, как располагались дворы и выходы из них. Но интуиция подсказывала, где эти выходы должны находиться. Я выскочил из двора на улицу, стремительно и целенаправленно пересек ее и сразу углубился во второй двор через арку, прикрытую только одной створкой чугунных тяжелых ворот. И только там посмотрел вверх, на восьмиэтажный дом сталинских времен, примерно ориентируясь и определяя место на крыше, откуда в меня могли стрелять. Откуда в меня стреляли то есть... Под расчеты подходил только один подъезд, к которому я и побежал. Крашенная «кузбасс-лаком» металлическая дверь с кодовым замком стала препятствием, и у меня не было с собой ничего, что помогает обычно такие замки открывать, – ни проволоочной петли, ни упругой металлической линейки, заточенной особым способом. Но я открывать и не собирался. Мне незачем было входить в подъезд, потому что я услышал громкие торопливые шаги в подъезде и вовремя убрал за спину нож. Теперь уже не страшно, что его видят люди во дворе, старушки и дети, этими старушками оберегаемые... Они уже не успеют напугаться ножа, сообразил я, потому что напугаются тем, что произойдет дальше...

По звуку шагов я уже понял, что спускаются, вернее, бегут, топя и чуть ли не скатываясь по лестнице, двое. И потому отступил на три шага для создания скорой собственной поступательной энергии – обычно удар с такой дистанции бывает более сильным, чем удар с дистанции короткой, и если у меня есть время подготовиться, то почему же я не должен подготовиться к действиям... Я и подготовился...

Перед дверью шаги стихли. Все правильно... Выйти, когда их все видят, они должны неторопливо и так же неторопливо двинуться к выходу из двора, чтобы не привлекать к себе внимания. Они не хотят, чтобы кто-то присматривался к их лицам, а потом с помощью ментов рисовал их фоторобот для объявления в розыск. Любой фоторобот, конечно, фуфлю писаное, и опознать по нему человека невозможно, тем не менее фотороботы всем преступникам не нравятся. И потому они стараются не привлекать внимания к своей особе. А мне внимание, наоборот, следовало привлечь, и потому я не стеснялся своих действий.

Двое за дверью перевели дыхание, открыли дверь и один за другим шагнули за порог...

Подъезды, в которых имеется плотно закрытая металлическая дверь, на нижней площадке обычно бывают полутемными или почти темными. Это любой знает, кто в таких подъездах бывал. И глаза, когда кто-то выходит, не сразу привыкают к солнечному свету. В таких случаях естественная реакция любого человека – слегка зажмуриться, чтобы восстановить способность видеть. Этим я, не задумываясь, и воспользовался.

Вышли двое... Видеть меня видели, естественно, но после темноты не сразу узнали. Они только начали узнавать... И, пока не пришли в себя от неожиданной встречи, я успел совершить разбег в три шага и сразу вырубить ближнего маховым круговым ударом каблука в челюсть с поворотом корпуса на триста шестьдесят градусов. Треск челюсти послышался такой, словно большое дерево сломали пополам одним махом экскаваторного ковша... Аминь... Дело началось и наполовину закончилось, кажется, хорошо. Но в то же время второго своими действиями в чувство я привел быстрее, чем мне хотелось бы, и он успел вытащить пистолет, когда я еще возвращал себя в устойчивое состояние. Но полностью занять боевую позицию я мог и не успеть, потому что он тоже медлительностью не отличался и начал передергивать затвор, чтобы дослать патрон в патронник. И я, не останавливаясь, продолжил

движение, на развороте ударив большим и тяжелым кухонным ножом, как саблей, по кисти. Пистолет выпал из наполовину разрубленной руки...

Последовавший без остановки отключающий удар второй ногой в челюсть с хрустом закончил дело... Осталось только подобрать пистолеты, вытащить из чехла чужой мобильник, чтобы собственные деньги не тратить, набрать «службу спасения» и потребовать не только милицкий наряд, а и оперативную антитеррористическую группу РОСО¹ областного управления ФСБ. Для этого пришлось и себя назвать:

– Подполковник Буслаев, спецназ ГРУ... Андреем Васильевичем меня зовут...

* * *

Сразу два опера по мою не всегда безвинную душу – сейчас это слишком много, как мне показалось. Один из РОСО, второй из районной, видимо, милиции, потому что приехал он быстро, – из городской милиции, учитывая пробки на дорогах, еще не успели бы добраться до места... Два опера... И оба смотрят на меня подозрительно и с непониманием. Впрочем, я и сам бы на себя смотрел подозрительно и с непониманием, окажись я на их месте... Ситуация с первого взгляда кажется чуть-чуть диковатой. По крайней мере, так описали ее жители дома, которые со двора наблюдали за происходящим. А выглядела ситуация в действительности неприглядно. Выходят два человека из подъезда, а этот, что прибежал с ножом, психопат какой-то, без причины на них набрасывается... Слова, кажется, сказать не успел... И что с того, что вышедшие парни – кавказцы... В подъезде живут три семьи кавказцев... Нормальные люди, никаких к ним претензий нет, кроме разве что одной семьи с четвертого этажа, немолодые азербайджанцы – мусор из окна на газон выбрасывают... А там цветы коллекционные высажены, и местные старушки за ними коллективно ухаживают... А к остальным отношение в подъезде неплохое, почти благожелательное...

Я тоже мог бы усомниться и в первый момент даже сам легкое беспокойство почувствовал. Вдруг да не те вышли... Но успокоился быстро – я видел их привыкающие к солнечному свету глаза, понял, что они меня узнали и оттого испугались. Глаза о многом говорят, глаза – целая книга, которую необходимо уметь читать всякому, кому приходится в экстремальных ситуациях работать... И только после всех этих отмеченных мною нюансов я атаковал... Кроме того, я и торопливые шаги слышал. Бежали они по лестнице, сильно топая, торопились... А потом, перед выходом, дыхание переводили... Это тоже не просто так... Если бы торопились сразу, торопились бы и потом, и не было бы у них причины останавливаться и изображать из себя спокойных, невиновных людей... Нет, я не ошибся в своих расчетах...

Слегка побитый «по лицу», с треснувшим бампером, заклеенным широким скотчем, милицкий микроавтобус «Газель», в котором происходит разговор, нагрелся на солнце, и жара нагоняла лень. Не только шевелиться думать не хотелось. Но думать было необходимо, и думать при этом напряженно. И не только мне, а и операм, причем их положение было сложнее, потому что им ситуацию следует представлять с двух сторон – с моей и со стороны «пострадавших», чье мнение они еще не слышали, но предвидят...

Врач со «Скорой помощи» только что отошел. Хотел увезти одного мужчину сразу на операцию. В машине «Скорой» можно зашить руку, разрубленную кухонным ножом, но нельзя сшить разрубленные сухожилия. Ниток специальных в машине нет... Опера договорились о полчасовой отсрочке. Надеются за полчаса хоть что-то выяснить...

¹ РОСО – региональный отдел специальных операций. Аналогичные «Альфы» антитеррористические подразделения, созданные в ряде регионов в последнее время. Занимаются антитеррористической деятельностью, освобождением заложников и т. п.

– Пистолеты «Вальтер Р 99Т»... Травматические... Заряжены резиновыми пулями... – говорит старший лейтенант. – Калибр «десять миллиметров», мощная пукалка... Лицензия на оружие и у того, и у другого в порядке... Лицензии выданы в Грозном, по месту постоянной регистрации... Проверим, конечно, по базе, но внешне – без претензий, товарищ подполковник... Поддельные обычно менее помяты... Поддельные больше берегут... А к настоящим, как правило, относятся небрежно...

Непонятно, к какому из двух подполковников он обращается. Второй опер, представляющий РОСО, тоже подполковник. Этот подполковник только что с крыши спустился. Замок с чердачной двери сорван, но неизвестно, когда он сорван, сегодня или два года назад... На верхнем этаже никого из жителей дома нет. Может, и дома, но на звонки в дверь не реагируют, разговаривать не желают. Чердачное окно раскрыто, и под раму, чтобы ветром стекла не выбило, подложена деревянная чурочка. Ни на чердаке, ни на крыше не обнаружено оружия, из которого в меня стреляли. Так стреляли ли вообще? Вопрос для оперов, в отличие от меня, законный и не вполне очевидный, требующий разбирательства.

– Проверяйте... – милостиво согласился я, понимая, как трудно операм без работы.

Два человека из следственной бригады РОСО ушли в кафе, посмотреть на то, что я им описал. На разбитую витрину... На след пули на стене... Я сам этот след не видел, но понимаю, что он должен остаться... Пули поискать следует... Пока их нет, отсутствие винтовки является для меня плохим признаком, и вообще вся история смахивает на фантазии психопата...

– Вы, Андрей Васильевич, ждали покушения? – спросил подполковник ФСБ, почесывая складку под подбородком. Он почему-то не брит, и на подбородке растет легкая щетина. На самом подбородке она не беспокоит, но под ним, ближе к горлу, похоже, чешется.

– Нет, не ждал... – я смотрел в его глаза честно и прямо. У меня привычка смотреть так. Я в самом деле не ждал никакого покушения и не предполагал, кого и какие причины могли толкнуть на это дело, и скорее склонен был допустить, что преступники ошиблись при выборе жертвы. Но когда меня по ошибке убивают вместо другого – мне это тоже, признаюсь, не нравится. Мне не нравится также, когда меня без ошибки пытаются убить...

Подполковник остался недоволен моим ответом.

– Тогда я, хоть в меня стреляйте, не понимаю ваших действий. С психологической точки зрения – не понимаю, и все тут... Вы действовали неоправданно жестко... Я не понимаю, что заставило вас напасть на людей, просто выходящих из подъезда... И как вы вообще, не готовый психологически, вдруг начали так резко и активно, а главное – целенаправленно действовать... Естественнее было бы спрятаться в том же кафе и позвонить в милицию... Так любой бы поступил...

– Очевидное превышение необходимых мер самозащиты... – добавил старший лейтенант, но голосом совсем иным, он словно сочувствовал мне и даже был доволен случившимся с кавказцами. Нормальные менты, не из тех, кто продается, обычно тоже не любят кавказцев, постоянно с ними сталкиваются, ибо знают, что это за публика.

– Я бы даже сказал, что здесь вообще не просматривается меры самозащиты... – подполковник проявил, на мой взгляд, неприличную случаю жесткость. – На глаза необоснованное, ничем не спровоцированное нападение на людей, откровенная агрессия, которую легко квалифицировать как расовую неприязнь...

В его глазах я заметил интерес довольно своеобразный и подчеркнутый. Подполковник ко мне искоса присматривается – не дурак ли я... По крайней мере, мысль о психиатрической экспертизе уже созрела в его почти лысой голове...

– А вы бы так не среагировали? – спросил я подполковника, заманивая его в ловушку.

– Нет... – ответил он категорично. – Я повел бы себя, как всякий нормальный человек, спрятавшись от стрельбы в первом же подвернувшемся укрытии, и вызвал бы милицию, а не сразу РОСО вместе с милицией... Я уже сказал, что это было бы естественным...

– Вот потому вы и не в головной «Альфе», не в Москве служите, а только в РОСО, на далекой и относительно спокойной периферии... Подготовленный сотрудник «Альфы» среагировал бы... И любой офицер спецназа ГРУ среагировал бы точно так же... Особенно из тех, кто воевал на Северном Кавказе... Или в другом месте воевал... Эта реакция и все последующие действия – плоды специальной подготовки...

– Мы тоже, между прочим, спецназ... И тоже имеем неплохую подготовку...

Подполковник, кажется, обиделся и опустил суровый взгляд. В моей ситуации обижать опера не следовало бы, но я привык честно разговаривать. И честно высказал ему свое мнение. И плевать мне на его обиду...

– Возвращаются... Сейчас все выяснится... – разряжая напряженную атмосферу, сказал старший лейтенант, показывая на офицеров РОСО, отправленных пятнадцать минут назад в кафе.

Старший лейтенант был настроен более миролюбиво. Спецназ ГРУ он, кажется, уважал больше профессионального антитеррориста. Это естественно, антитеррорист ревнует к другой силовой структуре. Может быть, немножко и завидует...

Офицеры подошли к машине.

– Что там? – спросил подполковник, насупив брови.

Ему молча протянули деформированную пулю. Я не сомневался в результатах поиска, тем не менее незаметно для постороннего глаза, против воли вздохнул свободнее. Пуля нашлась... А если есть пуля, следовательно, был выстрел и была винтовка, из которой стреляли. Я предполагал, что пулю найдут, но все же процентов на сорок сомневался – пуля могла срикошетить, и улететь под любым углом неизвестно куда. Тогда бы ее днем с огнем не найти...

– И что? – Подполковнику требовались комментарии.

– Пуля прошла по касательной и разбила толстое витринное стекло... Значит, стреляли с небольшой дистанции... На излете она под таким углом вообще бы могла просто срикошетить... Насколько возможно определить траекторию полета визуально, стреляли из открытого чердачного окна... – объяснил офицер подполковнику и поднял указательный палец, показывая на подъезд. – Оттуда...

Я тоже наклонил голову, как недавно подполковник РОСО, только не обиду показывая, а соображая и просчитывая, пытаюсь в голове восстановить весь свой путь от дверей кафе до дверей подъезда и совместить его с воображаемой секундной стрелкой. Такие фокусы иногда помогают правильно рассчитать время. А рассчитать время было необходимо, потому что я сам чувствовал существование в истории хронологической неувязки, которую опера еще не почувствовали...

– Другая пуля, – сказал второй офицер, – задела стену, срикошетила, потом срикошетила от брусчатки тротуара и куда-то улетела... Найти невозможно... Там царапина на стене осталась, характерная для следа пули, она более точно показывает, откуда стреляли... Вторую пулю, как я уже сказал, найти не удалось, но и царапины на стене хватит вполне... И выбоины в брусчатке... – И при этом он посмотрел на меня с неподдельным восхищением. Этот, похоже, подготовку спецназа ГРУ уважал и к ревности тягу не испытывал. Правильное поведение в отношении коллеги...

Я заметил его взгляд, потому что расчеты в голове уже закончил. В голове воображаемая секундная стрелка имеет возможность и двигаться быстрее, чем ей положено двигаться в реальном мире. И мои расчеты позволили сделать правильный вывод.

– Что скажете, товарищ подполковник? – обратился ко мне подполковник РОСО. – От пули толку мало... На ней не бывает отпечатков пальцев... Винтовки-то все равно нет... Нет винтовки, нет доказательств, что именно они в вас, Андрей Васильевич, стреляли, и теперь уже они могут объявить себя пострадавшими и написать на вас «заяву»... Не приведи господи,

еще и адвоката умного найдут, тот сразу сообразит, что к чему... Да здесь и неумный адвокат сообразит...

– Винтовка в доме... В одной из квартир... – сказал я твердо. – Парни должны были спуститься секунд на десять раньше, чем я прибежал... Я сейчас прикидывал в уме... Секунд десять... Может быть, даже пятнадцать... Где-то задержались, позвонили в дверь, передали винтовку и сразу стали спускаться... Десяти – пятнадцати секунд на передачу оружия хватит... Скорее всего, на верхнем этаже передали, потому что преодолевать несколько этажей с винтовкой рискованно, может кто-то выйти... Потому и дверь там не открыли... Впрочем, винтовка может быть разборной... «Винторез» упаковывается в стандартный «дипломат»... Тоже – десять-пятнадцать секунд на упаковку... По дороге отдать «дипломат» в открытую дверь... И на выход...

– В подъезде три семьи кавказцев... – сказал старший лейтенант. – Если только внаглую действовать... Может получиться... Закон об антитеррористической деятельности никто не читал... Сослаться на закон и работать... А ордер на обыск нам никто не даст...

– Хотя бы верхний этаж... – предложил я. – Спросите старушек, в каких квартирах и на каких этажах живут кавказцы...

– Рискнем... – неожиданно взял на себя ответственность подполковник. Похоже, мои недавние слова задели его за живое и заставили шевелиться. Может, он и совсем не плохой человек. Но ему, похоже, чтобы продуктивно работать, необходима уверенность. Найденная пуля уверенности подполковнику прибавила...

– Стоп... – вдруг сообразил я. – Пару секунд... Кажется, есть новая вводная...

Я даже глаза закрыл, с напряжением вспоминая, хотя отлично знал, что напряжение обычно только мешает вспомнить необходимое. Если плохо вспоминается, следует просто «отпускать мысли, и воспоминания потом сами накатят. Но сейчас наступил момент, когда нужно было сконцентрироваться. Я напрягся... И вспомнил... Да... Был момент... Я тогда не присматривался специально, я только коротко, мельком глянул в сторону какого-то движения, что уловило периферийное зрение... Но сейчас сообразил... Восстановил в памяти картину, которая промелькнула, и заставил ее остановиться, чтобы я имел возможность как следует ее рассмотреть и сделать определенный вывод...

– У нас в школах когда занятия начинаются?

– Первого сентября, как обычно... – отозвался старший лейтенант.

– Минут семь-восемь назад... Из подъезда мальчик вышел... Черненький... Глазастый... Похож на кавказца... По возрасту, в первый-второй класс пойдет... С ранцем... Со школьным ранцем за плечами!.. Ни к чему сейчас такой ранец носить... Пошел в ту сторону... – показал я пальцем. – «Винторез» вместе с питанием для ночного прицела весит два килограмма сто граммов... В этом случае питания может не быть... Но два килограмма за плечами у маленького мальчика... Он горбился... Ранец плечи оттягивал...

– Понял! – воскликнул старший лейтенант и радостно выскочил из машины, чтобы отдать приказание двум милиционерам, стоящим неподалеку. Те заспешили в указанную мной сторону... Мальчишку с ранцем, видимо, и они видели...

– Будем искать... – согласился и подполковник из РОСО...

2

Короткая щетина под подбородком чесалась. Еще и пот раздражал кожу... В машине было невыносимо жарко, пот стекал с лица на шею, но приходилось терпеть и потеть, потому что больше поговорить и оформить протокол было негде. Но с неизбежными неудобствами в рабочие моменты приходится мириться. Не будешь же писать протокол на коленке, присев перед собравшейся во дворе толпой местных жителей...

Подполковник Капустин из РОСО всегда отличался аккуратностью и обычно не забывал утром побриться. В этот раз не побрился... Негде было, да и не было под рукой бритвы, как, впрочем, и времени на бритье... Дело в том, что в этот раз ему пришлось выехать на вызов, даже не заметив, что утро давно прошло. Игорь Евгеньевич Капустин уже больше суток не смыкал глаз, готовя группу, которую через несколько дней, когда поступит команда, он должен был возглавить. Группа отправлялась на Северный Кавказ. Устал за сутки невероятно, – недочетов было множество, и эти недочеты требовалось срочно исправлять, а затем подполковник заступил на дежурство в оперативной группе управления. Плановые мероприятия не дают права отлынивать от обязательного дежурства. Да Капустин и не собирался отлынивать. Причин особых не было... Обычно дежурство в оперативной группе в относительно спокойном регионе неофициально считалось временем отдыха. Спишь себе и ждешь, не случится ли чего в регионе... Случалось редко... Начальство всегда так и говорило: «На дежурство выйдешь – отдохнешь...» И подполковник Капустин надеялся отдохнуть на дежурстве. И тут вызов на происшествие. Ладно хоть, в самом областном центре... Не пришлось далеко ехать... Причем не сразу было ясно, что происшествие имеет отношение к сфере деятельности РОСО, и потому Игорь Евгеньевич первоначально рассчитывал появиться на месте, быстро разобраться, отчитывать ментов за то, что вызвали его, помешав отдыхать, и уехать назад. Но пока не получалось не только с отъездом, не получалось даже с разборками. Да и дело, похоже, тянуло как раз на ведомственное, то есть на прямое участие в расследовании РОСО, хотя первоначально с делом вообще было не все ясно, и Капустин все же надеялся, что оно перейдет «по тяжести» к ментам. Однако принесенная сотрудниками пуля, выковырянная из пластикового подрамника в витрине кафе, заставила взбодриться и собраться. Было реальное покушение на жизнь офицера спецназа ГРУ, следовательно, на это происшествие уже нельзя было смотреть так, как рассматривалось бы любое другое покушение, даже на крупного бизнесмена или даже на олигарха. Покушение на офицера спецназа по своей значимости, несомненно, более важное событие, потому что иметь может под собой чаще всего политические основания.

Говоря честно, подполковник Капустин первоначально даже надеялся, что вопрос этот более простого характера и может перейти в ведение ментов еще по одной причине. Он сам когда-то воевал солдатом срочной службы в Афгане и побывал однажды в настоящем аду, когда бой в окружении длился с небольшими перерывами двое суток, и двое суток нельзя было голову поднять, и не было у подразделения воды и еды, закончились мины в минометах, и патроны подходили к концу... И только в последний момент подошедшая подмога спасла тогда от плена или от гибели. Двадцать с лишним лет прошло с тех пор, Игорь Евгеньевич хорошо помнил, что двух его друзей после этого комиссовали из армии из-за расстройства психики... Один вообще от мира отключился, не реагировал на команды, сидел, думал о чем-то и тихо при этом покачивался. И на мир смотрел спокойно и нежно, но ничего, кажется, при этом не видел. Его тогда в казарме, до отправки в госпиталь, кормили с ложечки, потому что сам он даже руку с ложкой поднять не мог. Второй, напротив, из спокойного парня вдруг превратился во взрывного и агрессивного, даже на офицеров по любому пустяку готов был с кулаками наброситься. А ведь служил Капустин в простом мотопехотном полку... Мотопехотинцам не часто приходилось попадать в такие передраги. Да и сам он после того боя в окружении долго еще чувствовал себя нервным и задерганным...

Спецназу ГРУ что тогда, в Афгане, что сейчас, на Северном Кавказе, аналогичные случаи выпадают нередко, они чуть ли не штатными ситуациями считаются... Это подполковник Капустин хорошо знал из современных сводок. И ожидать психических расстройств со стороны подполковника спецназа ГРУ можно было запросто – Игорь Евгеньевич представил ситуацию, рассказанную подполковником Буслаевым, поставил себя на место этого подполковника и стал внимательнее присматриваться к Андрею Васильевичу, ожидая именно признаков нервного расстройства. Почему-то показалось, что в какой-то момент у подполковника, наверное,

хлебнувшего на своем армейском веку лиха, «крыша поехала», и его внешне необоснованное нападение на двух кавказцев стало следствием этого процесса. Тогда дело опять перешло бы в ведение милиции, и Капустину можно было бы спокойно возвращаться в управление. Игорь Евгеньевич даже предполагал, что Буслаев мог сам витрину кафе разбить, а потом уже разыграть все остальное. Поступки человека при нервном срыве непредсказуемы и логике не поддаются...

Но принесенная сотрудниками сплюснутая пуля возвращала дело в серьезный ряд – покушение было, и с ним следовало разобраться...

* * *

– Будем искать... – это прозвучало конкретным обещанием.

Теперь, поверив в реальность произошедшего, подполковник Капустин обрел обычную для себя энергию, словно и не было бессонных суток и недавних сомнений. Выйдя из машины и оставив там со старшим лейтенантом из райотдела милиции подполковника Буслаева, который официально еще не считался ни потерпевшим, ни задержанным, дописывать и подписывать протокол, он жестом подозвал врача со «Скорой помощи». Врач и сам к нему спешил:

– Товарищ подполковник, у нас каждая машина на счету... Ехать нам пора... – сразу пожаловался врач. – Что с пострадавшим делать? Или нам конвой выделяйте, или...

– Перевязку ему сделали?

– Сделали... Но рану зашивать не можем, как я уже говорил...

– Да-да... Нитки для сухожилий нужны... Если помощь будут оказывать в течение часа...

Это опасно? Можно нам время потянуть?

– Можно, но все индивидуально... Опасности для жизни, конечно, нет... Если у него хорошая сворачиваемость крови, отложенная операция может быть для пострадавшего более болезненной... А сворачиваемость у него прекрасная. Рана у него серьезная, тем не менее крови парень потерял немного...

– Он, кажется, терпеливый...

– Терпеливый... Когда рану обрабатывали, даже не морщился... Скорее, зло улыбался...

– Перетерпит и болезненную операцию. Отправляйтесь по своим делам, а этих нам оставьте... Что со вторым, кстати?

– Со вторым не легче... Думаю, оскольчатый перелом челюсти... Тоже в больницу бы надо... У первого тоже, похоже, челюсть сломана, но перелом попроще... Впрочем, это можно определить только после снимка. И у того, и у другого... Но первому я не берусь без снимка ставить диагноз... Возможен и обыкновенный ушиб... А тот, у которого руки целы... Короче, оскольчатый перелом я гарантирую – прощупывается сквозь опухоль... Только недавно с таким же встречался... Там после аварии было, а здесь...

– Будем считать, что он здесь с тяжеловесным грузовиком столкнулся... В СИЗО тоже есть лазарет... – подвел черту Капустин.

Врачу возразить было нечего, да он и не особо рвался отвезить задержанных в травмпункт, да еще сажать в машину к ним охрану. И потому поспешил отдать распоряжения милиционерам, словно сам был офицером милиции. Но врачи часто стараются взять на себя командные функции, считая, что это им по рангу положено. И любят при этом быть категоричными. Из машины «Скорой помощи» двух задержанных пересадили под присмотром милиционеров в «уазик»-«буханку», куда сразу же и заглянул подполковник Капустин. Один из милиционеров-охранников вышел, освобождая ему место. Двое других остались сидеть здесь же, несмотря на то, что один задержанный был в наручниках и придерживал двумя руками челюсть, постоянно ее прощупывая, а у второго рубленая рана кисти руки не позволяла оказать сопротивление, даже если бы такое желание возникло, потому что при малейшем ударе

по руке кисть готова была отвалиться совсем. Он раненую и перевязанную руку придерживал второй рукой и смотрел на мир с угрюмым вызовом...

– Ну что, друзья, винтовку-то куда дели? – посмотрев на одного, потом на второго, спросил подполковник Капустин.

Они ему, естественно, не ответили. Да он и не надеялся получить точные указания к поиску. Просто так спрашивал, чтобы хотя бы голоса услышать. Голоса часто говорят, что за человек перед тобой и как с этим человеком лучше работать. Одному следует врезать в челюсть, второй только рад удару будет, а на контакт пойдет только после ознакомления с полным обвинением. Третьего запугать можно. И все голос подсказывает...

– Все равно ведь найдем... – категорично ответил Игорь Евгеньевич на молчание. – И вам бы лучше сразу говорить начать... Все равно говорить придется...

Разговор с задержанными с тем же успехом возникал еще до приезда «Скорой помощи». И так же безрезультатно, как и сейчас.

К «уазику» подошел старший лейтенант милиции с подполковником Буслаевым.

– Разболтались... – с недоброй усмешкой сказал старший лейтенант. – Да, болтуны невероятные попались... А винтовку они на седьмом этаже бросили, в восемьдесят девятой квартире... Там дагестанцы живут... Чеченцы, говорят, с дагестанцами иногда дружат... Общий язык, по крайней мере, в нашей ситуации они быстро нашли...

Капустин обратил внимание, что милиционеры, отправившиеся на поиски мальчика с тяжелым ранцем, еще не вернулись. Но от «Газели», где он недавно оставил старшего лейтенанта с подполковником спецназа, отходила пожилая женщина с ребенком, которого не вела за руку, а сердито тащила за руку. Догадаться было не трудно, что женщина видела мальчика с ранцем и сообщила, из какой он квартиры. Но разговором со старшим лейтенантом почему-то осталась недовольна и потому настроение свое выплескивала на ребенка.

Подполковник Капустин, как и старший лейтенант, как и подполковник Буслаев, заметил, как изменились лица задержанных при упоминании номера квартиры.

– Вот, уже и факты появились... Так что, будем говорить? – спросил Игорь Евгеньевич, пользуясь моментом.

Тот из задержанных, у которого руки были в наручниках, откинулся на спинку сиденья так, словно намеревался эту спинку своей спиной сломать – резко и зло.

– Ты все равно приговорен... – сказал он, глядя на подполковника Буслаева. Слова давались задержанному с трудом, сломанная челюсть не располагала к болтовне, кроме того, говорил он с ужасным акцентом, поэтому разобрать значение слов было трудно, и тем не менее Буслаев понял его. – У нас не получилось, у других получится... Ты приговорен... И до Чечни ты не доедешь...

– Вот уже какая-то ясность появляется... – довольно улыбнулся старший лейтенант милиции, потому что именно его инициатива и его слова заставили одного из киллеров заговорить, и не просто заговорить, а почти сознаться в содеянном. По иному понять его слова было невозможно.

– И по какой статье, и кто такой приговор вынес? – невинно, вроде бы между делом, поинтересовался подполковник Капустин.

Но отвечать чеченец не захотел и, выплеснув в одной фразе свое отчаяние и ненависть, снова замолчал и с большей тщательностью стал ощупывать челюсть пальцами обеих рук – разъединить руки ему не давали наручники. Второй рта так и не открывал, но смотрел тоже на подполковника Буслаева. Смотрел прямо, не мигая, диковато и с неприкрытой ненавистью, словно взглядом хотел добиться того, чего не удалось добиться выстрелами.

– Стрелять, ребята, это – искусство, – сказал Буслаев. – А вы бездарны в этом искусстве...

Дальнейшие признания не предвиделись. Но надежда на успех дальнейшего поиска была. Игорь Евгеньевич вздохнул свободнее и выбрался из «уазика».

– Следите за ними... – приказал он конвоирам. – Внимательнее... У них наблюдается явная склонность к самоубийству, если, они пытались убить подполковника спецназа ГРУ...

* * *

– Что-то начинает проясняться? – задал Капустин Буслаеву вопрос. – По крайней мере, почву для раздумий вам, мне кажется, дали плодородную...

Сейчас требовалось выяснить мотив, толкнувший чеченцев к попытке убийства. Этот мотив мог бы многое прояснить, но подполковник спецназа ГРУ только пожал плечами.

– Ничего не проясняется... Не понимаю... – В душную, горячую «Газель» они возвращаться не стали. Остановились рядом. – Но одно я четко уловил... Помните, он сказал: «И до Чечни ты не доедешь»...

– Помню, – кивнул Капустин. – Я тоже обратил внимание на эту фразу.

– Возможно, здесь ошибка, возможно, недопонимание или незнание ситуации... Дело в том, что я пока и не собираюсь ехать в Чечню... Я только неделю назад вернулся оттуда и ушел в отпуск... Шести месяцев там вполне хватило, чтобы появилось желание отдохнуть... Вы меня должны понимать... Ротация у нас идет раз в полгода, но обычно и через полгода отдыха туда во второй раз не отправляют. Там есть спецы по Северному Кавказу, которые из Чечни почти не выбираются, остальные, как правило, не больше одной командировки в два года имеют... И желающих много... Идет отбор по профессиональным качествам и навыкам...

– Вы в нашем городе постоянно живете? – вроде бы по теме спросил старший лейтенант. И тут же спохватился, что сам же недавно рассматривал документы Буслаева и заносил в протокол место его регистрации. И вообще, даже старший лейтенант милиции должен понимать, что если бригада спецназа ГРУ стоит в одном из городов области, то подполковник этой бригады, заместитель командира по боевой подготовке, никак не может постоянно жить в областном центре. – Я имел в виду, что семья у вас в настоящее время здесь живет?

– Нет... В военном городке... – пояснил Буслаев. – Семья у меня – три человека... Дочь в Москве учится, а мы с женой в военном городке живем... Жена на узле связи батальона служит... Сейчас на работе... Здесь у меня старший брат... Я у него в гостях... Я понимаю, к чему вы ведете... Да, я каждый день выхожу из одного и того же дома, иду по одной и той же улице в сторону центра города... Выследить меня и подготовить засаду было бы несложно, хотя выхожу я не в одно и то же время... Как получится... Но, чтобы выследить, следовало бы знать, что я именно здесь... И вообще... Фраза, о которой я сказал... Подумалось сейчас... Она что-то значит... Она больше значит, чем мне сначала показалось... Я не могу точно сказать, что... Но именно в ней, мне кажется, следует искать какой-то смысл... Меня почему-то не желают пустить в Чечню... Боятся, что я снова там окажусь... Иного смысла в этой фразе я не вижу...

– Смысл, мне кажется, – не согласился подполковник Капустин, – следует искать не в самой фразе, а в чеченских событиях и, надо полагать, не слишком давних... Вам следует очень сильно напрячь память, чтобы изучить эти события в свете сегодняшнего происшествия. Просто так людей не пытаются убить, особенно таких людей, которые могут за себя постоять, а вы можете, что нам всем сегодня это наглядно продемонстрировали... Для попытки убийства должны быть причины... Кроме того, сама фраза... С психологической точки зрения... Мне даже показалось, что она похожа на крик отчаяния... Знаете, как дети иногда кричат в драке: «Убью!», зная прекрасно, что никогда не сделают этого. Но кричат от отчаяния, потому что не могут справиться с кем-то... И я понял фразу так, что этим парням была поставлена задача не допустить вас в Чечню. Они своего добиться не сумели и от этого впали в отчаяние... Хотя, возможно, кто-то будет их подстраховывать и все же попытается не пустить вас в Чечню...

– Я повторяю, – спокойно ответил Буслаев. – Я только что из Чечни вернулся, и новая командировка, если она состоится, будет не раньше, чем через полгода, а то и через год... А возможно, и вообще не будет...

– Мальчика нашли... – сообщил старший лейтенант, прерывая разговор и размышления. – Из восьмидесятой девятой квартиры... И еще что-то нашли... Несут...

Подполковники одновременно обернулись.

Два милиционера, отправленные старшим лейтенантом, возвращались вместе с мальчиком, за плечами которого по-прежнему красовался большой и красивый ранец, но ранец уже не выглядел тяжелым. Более того, поскольку узкие плечи мальчика прятались под широкими ремнями ранца, именно за эти ремни и вел его один из милиционеров. Второй нес что-то, завернутое в несколько газет.

– Винтовка «винторез»... – сразу определил подполковник Буслаев, увидев, высовывающийся из газеты округлый и массивный глушитель винтовки. – Я еще по выстрелу подумал... Манера стрелка... И потом по пуле... Правда, пуля сильно деформировалась... Но было чувство, что стреляли именно из «винтореза»...

– Слава Богу... – сказал подполковник Капустин. – Я боялся, что ничего не найдут...

– Я вообще-то и не сомневался, – спокойно признался подполковник Буслаев. – Как про мальчика вспомнил, уже не сомневался...

– Когда чечены на номер квартиры среагировали, я тоже сомневаться перестал... – признался и старший лейтенант.

– И это тоже... – согласился Буслаев.

– В машину мальчика... – распорядился Капустин.

Милиционеры приподняли худенькое тельце за подмышки и затолкнули нового пленника в горячий салон «Газели». И тут же на ближайшем к открытой дверце сиденье молча развернули газеты, чтобы продемонстрировать свою находку.

– В ранце тащил... – сообщил веснушчатый старший сержант с лицом гоблина. От вида такого конвоира мальчик мог и сознание потерять. Тогда пришлось бы его на руках до «Газели» тащить. – Как раз вовремя подоспели, он в мусорный контейнер оружие выкинуть собрался...

Подполковник Буслаев газеткой, чтобы не оставлять своих отпечатков пальцев и не путать в дальнейшем экспертов, взял ствол и понюхал.

– Свежачок... Полюбуйтесь...

И сунул ствол под нос сначала старшему лейтенанту, потом и подполковнику Капустину. Те тоже понюхали. Запах сгоревшего пороха щекотал ноздри. Дело было сделано, винтовка найдена, и не было сомнений, что из этой винтовки недавно стреляли.

– Откуда у тебя оружие? – спросил Капустин мальчика строго, но не грозно, чтобы не запугать сразу, ибо мальчишка и без того запуган даже одним видом гоблина-милиционера.

Но тот отвечать не пожелал и даже глаза закрыл, чтобы не так сильно бояться.

– Ладно не бойся... Кто у тебя дома есть? Папа дома? – спросил Капустин.

– Мама дома... – мальчик открыл глаза.

– А отец где?

– На работе...

– Пусть так, пойдем к маме... – Капустин крепко взял мальчишку за руку. – Тебя как зовут?

– Руслан...

– Пойдем, Руслан... И не дрожи так...

Старший лейтенант вместе с подполковником Буслаевым двинулись следом. Подъездная дверь с кодовым замком была распахнута, и под саму дверь заботливо подложен кирпич. Лифт, как они уже знали, не работал, а потому пришлось подниматься по лестнице долго. Но у всех, кроме мальчика, дыхания хватило. Мальчик же раскраснелся то ли от подъема, то ли от волне-

ния, впрочем, это мало кого интересовало. Капустин позвонил в дверь. Сразу же послышались приближающиеся шаги.

– Руслан, ты? – спросил женский голос.

Капустин толкнул мальчика в плечо.

– Я... – отозвался Руслан.

Дверь открылась, растерявшаяся женщина в грязном халате, увидев, что Руслан пришел не один, испуганно отступила в темноту коридора. Старший лейтенант на всякий случай подставил под косяк ногу.

– Разрешите... – не спрашивая разрешения, а скорее предупреждая, сказал подполковник Капустин и шагнул за порог вместе с Русланом. Мальчик сразу вырвал руку и прижался к матери.

– Кто еще есть в квартире? – Осторожность проявил только подполковник Буслаев.

– Никого... Что случилось?..

Женщина знала, что случилось, но все же спросила. Пыталась оттянуть время, чтобы выработать линию поведения. Но времени на раздумья ей не дали. Оба опера были людьми опытными и «горячие» допросы вести умели.

– Давайте пройдем в квартиру, чтобы не информировать соседей о сущности нашей беседы... – предложил Игорь Евгеньевич. – Беседа нам предстоит серьезная...

– Да-да... – Женщина шагнула в комнату, не выпуская из-под руки сына, Капустин пошел за ней, за ним последовал Буслаев, последним переступил порог квартиры старший лейтенант. Перед тем как закрыть дверь, он не забыл посмотреть и на лестницу, и на другие двери лестничной площадки. Однако ничего подозрительного не заметил.

В комнате все «гости» сели, не дождавшись приглашения.

– Я подполковник ФСБ Капустин. Вопрос только один... – сразу начал говорить Игорь Евгеньевич в высоком темпе. Он явно не хотел дать женщине времени на раздумья и потому первоначально даже не спросил ее имя. То есть спрашивал в нарушение всякого протокола. – Откуда у вашего сына в ранце взялась снайперская бесшумная винтовка «винторез»? Винтовка, из которой только перед этим стреляли в подполковника спецназа ГРУ... Я предупреждаю вас, что вовлечение детей в преступные действия влечет за собой дополнительную уголовную ответственность, а если эти действия совершаются родителями, то их могут лишить родительских прав. Поэтому предлагаю говорить откровенно. Это, поверьте, в ваших же интересах...

Женщина испуганно перевела взгляд с окна на коридорную дверь, потом обратно. Посмотрела на сына долгим тоскливым взглядом – сверху вниз, не глаза в глаза, а в затылок, где вихрились непослушные жесткие волосы, потом сильнее прижала его к себе, будто бы боялась, что сына непременно отберут, и прямо сейчас, не дожидаясь судебного разбирательства... За женщиной внимательно наблюдали все трое. Подполковник Буслаев еще и за дверью в соседнюю комнату наблюдал, потому что после покушения предпочитал заботиться о своей безопасности. Но поведение женщины говорило о том, что она в квартире одна. Женщина не бросала взгляд на дверь, и оттуда ничего слышно не было. Но Буслаев на всякий случай сел и поставил ноги так, чтобы они были готовы пружиняще разогнуться, и в случае необходимости он мог совершить рывок.

– Так откуда винтовка?

– Нам ее в дверь... В дверь сунули... – голос женщины звучал неуверенно.

– Кто сунул? – теперь вопрос прозвучал жестко.

– Люди какие-то... Два человека... Сунули, велели спрятать... Сказали, завтра заберут...

– Что за люди?

– Чеченцы... Вы их арестовали... Я видела в окно...

– Почему вы не вышли и не принесли нам винтовку? Почему вы решили выбросить ее и тем самым, хотели дать возможность оружию попасть неизвестно в чьи руки...

– Я... Я не знаю... Я растерялась...

Внешне, однако, казалось, что первоначальная растерянность женщины прошла уже полностью, и теперь она отвечала четко, обдуманно, зная, что говорит. И голос с каждым словом звучал все увереннее.

– Расскажите подробнее, как вам принесли винтовку, – предложил старший лейтенант милиции. – Что они сказали, какие условия выдвинули?

В руках у старшего лейтенанта был диктофон, и он его не прятал. Даже наоборот, поднял перед собой, чтобы лучше записать ответ на свой вопрос.

– Как... Просто... Позвонили в дверь, я вышла... Двое чеченцев... Стоят... Сунули за косяк... И сказали...

– А откуда вы знаете, что они чеченцы? Вы знакомы? – спросил старший лейтенант.

– Мы дагестанцы, два народа на Кавказе рядом живут... Умеем друг друга отличать... Даже по лицу, по языку...

– Вы не ответили на вопрос... Вы знакомы? – настаивал старший лейтенант.

– Нет... – ответила женщина твердо.

– И вы решили выбросить винтовку... – сказал подполковник Капустин.

– Решила выбросить... Испугалась... И решила выбросить... Сына послала... Он не виноват... Я послала...

– Умное решение... – вступил в разговор подполковник Буслаев. – А разбирал ее ваш сын?

– Что? – переспросила женщина уже совсем другим голосом.

– Я спрашиваю, винтовку ваш сын разбирал? Чтобы ее разобрать и даже чтобы ее просто разломать, надо знать, как это делается... Позвольте спросить вас прямо: где вы учились обращаться с «винторезом»?

Женщина опустила глаза и ничего не ответила. И плечи у нее опустились, чувствовалось, что она устала.

– Где ваш муж? – спросил Капустин и встал, показывая, что предварительный разговор подошел к концу. – У вас же есть муж? На вешалке висят мужские вещи...

– На работе он...

– Где он работает?

– Охранная фирма какая-то... Я название не знаю... Охранник он... Я могу ему позвонить?

– Не надо... – сказал Капустин. – Мы вскоре к нему заедем... Вместе с вами... После того, как в квартире произведут обыск... Итак, как вас зовут?

– Зара... Зара Алиевна...

– Фамилия?

– Магометова...

– Зара Алиевна Магометова, вы задержаны по статье 205 уголовного кодекса России по подозрению в содействии террористам... Собирайтесь, вы поедете с нами...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Я внимательно наблюдал за ее реакциями. После того как я задал неожиданный вопрос, она растерялась, но быстро взяла себя в руки. Вопрос вызвал шок. И не удивительно. Первоначально женщине, по сути дела, и предъявить было нечего. Ну и что с того, что ей в руки сунули винтовку. Женщина могла испугаться и потому не отказалась ее взять. А испуг ей в вину не поставишь... И сына послала выбросить оружие – это тоже от испуга... Это в какой-то мере ее оправдывает... Но потом последовал вопрос о том, где она научилась обращаться с «винторезом», и этот вопрос выбил Зару Алиевну из колеи. Хотя ненадолго. В глазах уже через минуту появилась жесткое выражение. И слез на глазах не было. Более того, взгляд скоро стал надменным и высокомерным, с некоторой долей презрения ко всем нам, пожаловавшим в ее квартиру с какими-то наглыми претензиями. И это уже было интересно. Она вела себя, как крепкий, с характером боевик. И это, естественно, давало повод к размышлению.

На улицу мы вышли все вместе.

– Вам придется посидеть в горячей машине, пока не закончатся следственные мероприятия во дворе... – почти посочувствовал подполковник Капустин. – Старлей, конвойных приставь, пожалуйста, из своих... Мои пока все заняты... Потом, Зара Алиевна, как здесь закончат, мы к вам поднимемся и проведем обыск в квартире... В вашем, естественно, присутствии... – И он протянул женщине ключи от ее квартиры, чтобы не возникло вопросов к тому, что в квартире будет найдено, и не говорилось потом, что это следствие подбросило для предъявления обвинения.

– Ордер на обыск предъявите? – насмешливо спросила женщина, показывая, что в правовых вопросах она грамотнее, чем показалось вначале.

– По закону об антитеррористической деятельности, я имею право проводить обыск без ордера, но по составлению акта. – Капустин сразу показал задержанной, по какой статье она привлекается, и это не могло поднять женщине настроения. – Акт я составлю сразу же, как к вам поднимемся...

Мальчика отпустили во дворе, но он от машины, где держали его мать, не отходил. Общаться им возможности не дали, чтобы мать, разговаривая на незнакомом для всех остальных языке, не дала Руслану какие-то указания и чтобы сам мальчик не позвонил отцу. За ним присматривал специально выделенный милиционер, тот самый, с лицом гоблина. И, в дополнение, гоблин строго предупредил Руслана, что если тот надумает куда-то уйти, с матерью уже не увидаться может никогда... Увезут ее, и все... Это особенно подействовало, хотя лично мне такие суровые меры воздействия на мальчика не слишком понравились...

Для оперов началась настоящая работа. В основном, для оперов РОСО, поскольку дело было, очевидно, по их части, но и милиционеры пока еще не отказались от участия в расследовании, хотя и понимали уже, что весь материал, скорее всего, уйдет в следственный отдел ФСБ, а их только поблагодарят чуть-чуть перед расставанием. Но инерция и инстинкт ищек работали... И сам подполковник Капустин уже оживился и не производил больше впечатления сонной осенней мухи. Да и осень еще не наступила, на улицах стояла непривычная для середины августа жара...

* * *

А для меня наступил момент напряженных раздумий... Теперь, когда я знал, что они нашли ниточку и могут идти по ней, можно было отстраниться от событий сегодняшнего дня и начать собственный поиск. Но мой поиск должен уходить в события минувшие, потому что только они могут дать возможность понять причину покушения. А найти эту причину было необходимо, потому что только так я мог избежать повторного покушения. От выстрела снайпера, естественно, никто не застрахован, и никакая боевая подготовка не в состоянии помочь человеку в подобной ситуации – это я могу смело заявить, как специалист с опытом. Практически невозможно контролировать дальние расстояния, с которых тебя могут рассмотреть в оптику, – все открытые окна, все крыши, все заросли деревьев и кустов, что могут находиться вокруг тебя. И я не имею ни желания, ни возможности постоянно прятаться от такого выстрела и жить в ожидании пули не только всю оставшуюся жизнь, но даже день. Если хочешь жить спокойно, дело следует пресекать в корне, то есть этой самой пуле идти навстречу, чтобы иметь возможность понять, откуда она летит, укрыться от нее и точно определить, когда и с какого места стоит ждать нового выстрела... Последнего... Последнего потому, что другого быть не должно... А это можно решить, только поняв причину, по которой на тебя покушаются.

Пресечь в корне... Беда в том, что неизвестно, как до корня добраться...

* * *

– Я попрошу вас пока без предварительного уведомления не покидать город. Мало ли что...

Так подполковник Капустин неназойливо показал, что он желает на сегодня со мной распрощаться. Ладно, хоть так... В начале встречи, когда я только объяснил подъехавшим операм ситуацию и сдал с рук на руки двух чеченцев, Капустин готов был, кажется, и мне обвинения предъявить. Но желание подполковника РОСО от меня побыстрее отделаться вполне естественно. Я тоже не могу работать, когда кто-то находится у меня за спиной. Когда за спиной свои солдаты, это другое дело, ты их ведешь, и это не мешает... А когда сам что-то делаешь, сосредотачиваешься, а кто-то наблюдает, чуть ли не контролирует, это всегда неприятно. Особенно когда это представитель другой силовой структуры, который и методы сравнивать может начать. И потому я понял Капустина и согласился с его решением.

– Я вообще-то планировал сегодня вечером в часть съездить...

По правде говоря, я сегодня не планировал поездку в бригаду. Более того, мы даже договаривались с братом сегодня вечером сходить в гости к общим знакомым. Но предпочел предупредить о возможном отъезде. Просто не люблю, когда меня в чем-то ограничивают, и всегда предпочитаю на всякий случай оставить себе пути свободного отхода в любую, удобную для меня на данный момент сторону.

– До вас, если мне не изменяет память...

– До нас девяносто с небольшим километров. Но перед этим, перед поездкой, хотелось бы с вами побеседовать... Узнать подробности, чтобы попытаться проанализировать ситуацию. Может быть, в части кто-то подскажет. Из тех, кто со мной в Чечне был. У нас, вообще-то, сборный отряд работал. С трех бригад. Я его возглавлял. С другими бригадами тоже созвониться не мешало бы. Также подсказать могут. Со стороны бывает виднее. Такая связь по открытым каналам не приветствуется. Это еще одна причина для поездки.

– Хорошо, – согласился Капустин. – Телефонными номерами мы уже обменялись. Позвоните ближе к вечеру... Или лучше я сам вам позвоню. Наверное, сразу после предварительных допросов. Кабинетный допрос совсем не то, что допрос здесь, на месте. Могут появиться

интересные сведения. Я в любом случае позвоню, будут сведения или не будут. А в часть вы надолго?

– Завтра думал вернуться. Но все зависит от обстоятельств. В любом случае, я готов приехать по вашему звонку. Час с небольшим, и я здесь.

Я умышленно не сказал «по вашему вызову», только «по звонку». Это и вежливо звучит, и в то же время не ставит меня в рамки жестких обязательств. Обязательным я привык быть на службе, а спецназ ГРУ никто еще не подчинил ФСБ. И потому здесь я могу позволить себе некоторые вольности.

Мы пожали друг другу руки. Со стороны старшего лейтенанта милиции пожеланий в мой адрес высказано не было, поэтому прощание с ним оказалось коротким.

* * *

Я вернулся в квартиру брата, зная, что в ней мне никто не мешает, поскольку в дневное время я был обычно предоставлен там сам себе – у брата в больнице сегодня вообще приемный день, у его жены работа каждый день, с утра до ночи, в плановом отделе какого-то нового завода, их сыновья-студенты обычно дома появляются только вечером. Я заварил чай покрепче и попытался мысленно восстановить хронологию событий прошлой командировки в Чечню.

Естественно, развернутых и даже кратких дневников в военной разведке не ведут, но профессиональная память цепкая и легко восстанавливала события, хотя вспомнить точно то, что было с тобой полгода назад, невозможно. Можно вспомнить только отдельные события. Они лишь с небольшими отступлениями и исключениями, похожие друг на друга, чередовались, нанизывались одно на другое и из-за этого сливались в общий фон. Я однако старался этот общий фон раздробить по мере сил. И все равно они казались обыденными, и не было в них какой-то зацепки, которую стоило проанализировать особо. Я, впрочем, специально сначала их не анализировал. Я только хронологией занимался, чтобы привести воспоминания в систему. По опыту давно знаю, что выстроить систему – самое сложное, хотя внешне выглядит все наоборот. Но даже это заняло времени немало, и чай пришлось заваривать еще трижды. Мне всегда с чаем легче думается. Причем, чем чай крепче, тем думается легче.

Я не торопясь пил чай и свои воспоминания в систему все же привел. Конечно, легче было бы взять лист бумаги, карандаш и все записать, как это делается в научном, скажем, мире... Но опять сказалась привычка... Я служу не в науке, а в военной разведке. В разведке не следует доверять бумаге, которая всегда может попасть в руки постороннего человека и выдать тебя. Поэтому я стараюсь пользоваться памятью. Это было чем-то сродни шахматному сеансу одновременной игры «вслепую» на множестве досок. Тем не менее мне так было удобнее и привычнее думать.

Восстановив хронологию, я стал сортировать события по группам. Выделил три основные группы. В первую зачислил дни простого патрулирования направлений и дорог, прочесывание лесных массивов и окрестностей населенных пунктов. Во вторую – все контакты с местным населением, независимо от характера контактов, но исключая контакты с боевиками. В третью – боевые операции, то есть именно контакты с боевиками. Конечно, трудно восстановить в мелочах все, что произошло за полгода, но я старался, хотя понимал, что не выходящее из обыденного событие едва ли в состоянии стать причиной покушения.

Объем воспоминаний был большой, и не все вспоминалось в подробностях. Но я не ставил себе такую задачу. Подробности могли понадобиться в каком-то оставшемся незамеченным моменте. Предстояло еще только выяснить этот момент, но голова уже устала. И я позволил себе расслабиться, вернувшись мыслями к сегодняшним событиям. И не зря, ибо сразу уловил противоречие в словах, сказанных в мой адрес задержанным чеченцем: «Ты все равно приговорен... У нас не получилось, у других получится... Ты приговорен... И до Чечни ты не

доедешь...» Противоречие было очевидным, если считать, что покушение имело перед собой конкретную задачу. А здесь просматривалось две задачи. Первая – я кем-то и за что-то «приговорен», и приговор пытаются привести в исполнение. Второе – «до Чечни ты не доедешь»... Следовательно, меня нельзя пускать в Чечню... Но если я приговорен, то приговорен за что-то, уже произошедшее там, во время командировки... То есть корни уходят в прошлое. А если меня нельзя пускать в Чечню, значит, разговора ни о каком «приговоре» идти не может, но я что-то такое видел в прошлую командировку, что может кому-то помешать в будущем...

Несоответствие было очевидным, и удивительно, что я сразу не обратил на него внимания, как не обратили внимания на эти слова подполковник Капустин и старший лейтенант милиции. И пусть такое понимание не проливало свет на событие, оно все же давало возможность мыслить в определенном направлении.

Но одними размышлениями делу не поможешь. А если своей памяти не хватает, надо привлекать чужую. То есть надо в самом деле в часть ехать...

* * *

Подполковник Капустин оказался легок на помине, и тут же, как только я мысленно произнес его имя, позвонил мне.

– Андрей Васильевич, вы еще не уехали?

– Пока еще нет... Сижу, погрузился в воспоминания... Пытаюсь найти причину покушения...

– И как успехи?

– Пока пришел только к единственному абсолютному выводу – чтобы покушение состоялось, должна быть причина, его вызвавшая. Но вот причину я найти пока не могу...

– Жаль. Я откровенно надеялся на вашу память...

Я, кажется, понял, что Капустин хотел сказать.

– Значит, ваши допросы ничего не прояснили...

– К сожалению... Я успел допросить двоих. Мужчину-снайпера, к счастью, снайпера плохого, и женщину, Зару Алиевну. Могу вас только обрадовать фактом, не имеющим к вам отношения – женщина проходит по нашей картотеке, находится в розыске со времен событий в Первомайском... Жила по чужим документам. Даже фотографию в паспорте сменить не потрудились. Воспользовалась «высоким профессиональным уровнем» наших паспортистов... Правда, имя-отчество с владелицей настоящего паспорта совпадают, только фамилии разные... Задержан и ее муж, он тоже в розыске... Проходил по делу Хаттаба... Снайпер по существу дела молчит... Вообще о покушении разговаривать не желает... Только трижды потребовал показать его врачу... Пришлось отправить, потому что задержанному уже выделили адвоката, и адвокат настоял на медицинском освидетельствовании... Правда, на прощание снайпер мне пригрозил... Знаете, обычные их угрозы... Порекомендовал семью поберечь...

– Я бы за это ему голову снес... – прокомментировал я, исходя из своих привычек военного человека. – А заодно уж и адвокату тоже...

– Я более сдержанный человек, чем вы... И в угрозы не сильно верю... Хотя на душе, признаюсь, беспокойно... И иногда сожалею о своей сдержанности... Итак... Идем дальше... Женщина, Зара Алиевна, говорит только то, что получила приказ помочь... По старой памяти передали через самих снайперов... На винтовке, кстати, множество ее отпечатков пальцев. Разбирала она. Значит, умеет с оружием обращаться... Даже с таким специфическим, как «винторез»...

– Второй снайпер?.. – поинтересовался я, впрочем, без надежды, потому что второй снайпер еще в машине показался мне более молчаливым, чем первый. И взгляд у него тверже. Такой человек может по несколько месяцев молчать.

Подполковник вздохнул так звучно, что «заиграли» мембраны в трубке мобильного.

– Его еще не доставили из больницы. Вы здорово покалечили ему руку. Оперируют... Но я боюсь, что и второй ничего не скажет. Муж Зары Алиевны сначала вообще «не понимал», о чем разговор, потом подтвердил, что они с женой получили приказ помочь этим людям. И все, больше он ничего якобы не знает. Ситуация обычная... Сейчас его допрашивают по прошлым его делам... И жену его тоже... Отправили запросы по обоим снайперам в Грозный. Ответ, как обычно, быстро не дадут. В Грозном не любят торопиться, когда дело касается чеченцев. Документы у обоих в порядке. Отпечатки пальцев пока исследуют по общероссийской базе, потом проверят по базе Интерпола и только потом нам передадут результат. А у нас с вами, таким образом, теперь вся надежда на вашу память...

Теперь вздохнул я, в надежде, что мембраны в трубке подполковника Капустина не менее чуткие, чем в моей.

– Мне бы ваш оптимизм... Кстати, Игорь Евгеньевич, я еще на одном моменте ваше внимание хочу заострить... Помните, что сказал мне снайпер?

– Помню...

Я повторил сказанное слово в слово и обратил внимание на противоречие.

– Я понял. Только это нам ничего не дает...

– Это может что-то дать нам только в том случае, если мы сможем выяснить, какое из двух направлений соответствует истине... Для этого я скоро в бригаду выеду... Поговорю с сослуживцами. Может, кто-то что-то вспомнит... Разговор, понятно, не телефонный... По телефону объяснять долго... Да и не поймут...

– Добро, Андрей Васильевич. Держите меня в курсе событий. Я буду ждать вашего звонка... В свою очередь, если что-то прояснится, я вам сразу сообщу, чтобы дать поиску верное направление...

– Договорились...

* * *

После звонка подполковника Капустина я позвонил брату в больницу.

– Ты хочешь спросить, следует ли принять ванну с морской солью перед отправкой в гости? – сразу спросил Антон, как обычно, слегка замысловато и с некоторой долей ехидства. У него вообще такая манера разговаривать. Он сразу понял, что мой звонок вызван какими-то нештатными обстоятельствами, и довольства этим не показал, потому что друзья детства нас уже неделю зазывали в гости, мы наконец согласились, пообещали, что будем непременно, и вот...

– Я, Антоша, хочу предупредить, что сегодняшней поход в гости откладывается до лучших времен. Но я не знаю, когда эти лучшие времена наступят, честное слово... Было бы неплохо, если бы ты один сходил... Хотя как-то неловкость сгладить...

– Я их время от времени вижу... Они просили тебя показать...

– А мне, извини уж, необходимо в часть съездить... – я сообщил достаточно сухо и твердо, не давая надежды на возможность уговорить меня. – Необходимо... – подчеркнул я.

– Что-то срочное? Вызывают? – поинтересовался брат и звучно зевнул. Наверное, демонстративно. Он обычно такими зевками прерывает словоохотливость жены. Впрочем, я словоохотливостью никогда не страдал, и меня перебивать необходимости не было.

– Сам себя вызываю... В меня сегодня на улице стреляли... Чеченцы... Это, предполагаю, как-то связано с моей последней командировкой. Надо кое-какие вопросы выяснить...

– Стреляли? – брат, кажется, не готов был к тому, чтобы охнуть, ахнуть и безоговорочно поверить. По крайней мере, голос его не выдал беспокойства, которое следовало бы проявить по поводу здоровья брата, на которого было совершено покушение.

– Снайпер... Чуть ухо не оторвал...

– Снайпер... – прозвучал смешок. – Тогда откуда ты знаешь, что это именно злодеи-чеченцы? Или снайперы теперь в упор стреляют? С расстояния, когда с ними и побеседовать можно... Извини, я не в курсе армейской моды на боевые действия...

– Долго рассказывать... Короче, я вычислил, откуда стреляли, и перехватил их. Двоих... Парни сейчас в ФСБ, с ними разбираются... А мне необходимо съездить в часть...

– Понял, – он, кажется, соизволил поверить. – К нам сегодня в больницу привозили какого-то хрена со сломанной челюстью и наполовину отрубленной рукой... Под конвоем... Кажется, он чеченец... По крайней мере, кавказец, это точно помню... Сидел, молчал во время операции, как каменный... Только зрачок расширился... Болевая реакция... Но воля, я тебе скажу...

– Это, Антон, я его... – сознался я. – Скоро второго привезут. У второго только челюсть сломана, а руки-ноги целы... Но перелом челюсти оскольчатый, как врач со «Скорой» сказал...

– Тоже ты?

– Тоже, брат, я...

– Вот... А я лечу их...

– Можешь даже представиться, – разрешил я, – они будут рады убить и тебя... Только ради того, чтобы ты не досаждал мне...

– При таких обстоятельствах не имею возражений против твоего отъезда... Вернее, возражения я имею, но уверен, что они для тебя мало что значат, если что-то значат вообще. Сюда вернешься?

– Может быть, завтра утром... Надо разбираться с ситуацией... Ключ от квартиры, если ты не против, я пока у себя оставляю...

– Бога ради... У нас у всех собственные ключи есть... Приедешь, позвони мне...

Попрощавшись с Антоном, я быстро собрался. Сборы у меня недолгие, как по тревоге. Вещи в сумку, и сумку на плечо...

До платной автостоянки, где я оставил свою «БМВ Х3», пятьсот пятьдесят метров – от угла дома брата. Я привычно измеряю расстояния глазом, и отмечаю их в памяти. В пределах километра на ровной поверхности ошибку сделаю не больше, чем на пять метров. А здесь я еще и шагами несколько раз мерил. Ошибки нет. Пройти пятьсот пятьдесят метров быстрым шагом – на это много времени не надо.

И – в дорогу...

К сожалению, брат имеет квартиру неподалеку от центра, а выехать из города бывает часто так же трудно, как и по нему ездить в часы пик. Причем, по закону вредности, поток машин еле-еле тянется в нужную сторону, тогда как встречная полоса бывает почти свободной и пригодной даже для быстрой езды. В итоге целых полтора часа я потратил только на то, чтобы добраться до окраин, терпеливо выдержав психологические и экологически вредные нагрузки в нескольких дорожных пробках. Но все же добрался, там задержался только на заправке, залив полный бак. В областном центре все-таки бензин лучше по качеству, чем на периферии, а моя «бэха» капризна в отношении «горючки», и потому я всегда предпочитаю заправлять машину, что называется, «под завязку». Часто, когда еду в областной центр, еще и пару алюминиевых канистр в багажник ставлю. Правда, сейчас канистры в багажнике были полными, и заливать их не пришлось.

Автозаправка стояла рядом с окружной дорогой. Мне предстояло по этой окружной дороге проехать еще пару километров, чтобы потом свернуть на федеральное шоссе, и там уже можно было гнать в свое удовольствие сначала до поворота, а потом и до самого городка, потому что на этой дороге менты мою машину знали, меня уважали и не останавливали за превышение скорости. А не превышать скорость на моей машине было бы просто стыдно.

Я только свернул на выезд к окружной дороге, когда услышал звук, который заставил меня резко надавить на педаль акселератора, а потом так же резко надавить на тормоз при отжатом сцеплении, чтобы не заглох двигатель...

Пуля пробила стекло в правой дверце машины, пролетела перед моим носом и пробила второе стекло в моей дверце. Мои маневры не дали возможности стрелку произвести следующий выстрел прицельно, но дальше, как я сообразил, я уже попал в безопасную зону, поскольку местность вокруг была открытая и стрелять в меня могли только с окружной дороги из движущейся машины. Сейчас машина уже наверняка прошла мимо и удалялась от меня, надо полагать, стремительно...

Я думал не больше пары секунд – выбирал вариант дальнейшего поведения. И выбрал... Быстро переключил скорость и снова рванул с места так, что из-под колес, наверное, дым повалил. Дым я, конечно, не видел, но визг резины слышал. Я выскочил на окружную дорогу под самым капотом у большегрузного самосвала, услышал очередной визг – теперь его тормозов, и, чудом избежав аварии, включился в погоню сходу. На прилично разбитом бетонном полотне окружной дороги от «БМВ ХЗ» невозможно было бы уйти даже на «Порше» или на «Феррари»...

2

– Разрешите, товарищ подполковник? – после короткого стука в дверной проем просунулась дынеобразная голова капитана Аристархова. Светлые волосы, с утра зачесанные назад мокрой расческой, к обеду, как обычно, начинали торчать в разные стороны.

Подполковник Капустин снял очки, аккуратно уложил их в очешницу и откинулся на спинку кресла. На капитана он смотрел раздумчиво.

– Заходи... Чего тебе, Алексей Петрович? – сказал Капустин после тяжелого вздоха.

Раздумье и вздох были вызваны не появлением постороннего человека, а тем, что ему было трудно возвращаться от раздумий к окружающей действительности. Эту особенность подполковника Капустина сослуживцы знали и порой беззлобно над ней подсмеивались. Игорь Евгеньевич и сам знал за собой эту особенность характера, но порой она была удобной, особенно при общении с начальством, и он даже утрировал ситуацию, умышленно затягивая ее. И это позволяло вовремя обдумать, что следует сказать.

– Полковник Сазонов приказал включаться в ваше расследование, поскольку, возможно, вам вскоре придется уехать в командировку... – Капитан шагнул за порог.

Час назад Капустин сам попросил командира РОСО, полковника Сазонова, подключить кого-нибудь к расследованию, чтобы не сорвалась долгожданная командировка, и обижаться, кроме как на себя, было не на кого. Капитана Аристархова Капустин, мягко говоря, недолюбливал, но выбирать уже не приходилось – кого командир прислал, с тем и следует работать. Не тот случай, когда выбирают напарника...

Особых причин для плохого отношения к капитану, честно говоря, у подполковника не было. Хотя его слегка раздражали и внешность Аристархова, и его манера поведения. Высокий, худощавый блондин с прыщавым лицом и жидкими, обычно к обеду непричесанными волосами, всегда неприятно близко наклоняющийся к собеседнику во время разговора, любящий активную жестикуляцию. Но Алексей Петрович Аристархов был вообще-то неплохим и понимающим опером, легким на подъем. Ему, конечно, на взгляд Капустина, не хватало опыта, чтобы проводить аналитическое расследование и делать правильные выводы. Но исполнителем капитан был, наверное, неплохим. Однако здесь, чтобы включиться в это дело, если Капустину придется уехать до той поры, как появится серьезный результат, нужен был бы отнюдь не простой исполнитель. Здесь нужен вдумчивый помощник, на которого можно дело оставить, и быть уверенным, что дело завершится полным раскрытием. Нужен был как раз аналитик,

потому что это дело, внешне такое, казалось бы, простое и, практически, почти раскрытое, поскольку покушавшиеся уже задержаны, тянуло за собой какое-то другое, возможно, достаточно большое дело, которое капитану, на взгляд подполковника, было бы просто «не потянуть»...

Но о том, кто это дело потянет, говорить уже было поздно.

– А-а-а... Понятно... Присаживайся тогда... – тем не менее распорядился Игорь Евгеньевич. – Стол свободный есть... Знакомься с материалами... – И переложил на соседний свободный стол уже начавшую распухать папку с уголовным делом. – Смежные материалы просмотришь потом... Обязательно просмотри... Два фигуранта попали к нам из розыска... И я могу предположить, что попали они отнюдь не случайно, потому что и в нашем деле хвосты уводят далеко... Придется искать связи и заглядывать в прошлые дела... Большая и долговременная работа предстоит... Думаю, когда я через полгода вернусь из командировки, ты мне на стол еще с три десятка папок положишь...

– Понял, товарищ подполковник... – Несмотря на предупреждение, капитан отнесся к предстоящей большой работе легко, как, впрочем, ко всему относился. – Через полгода три десятка папок гарантирую...

Вообще-то про него говорили, что Аристархову лучше поручать короткие и быстротекущие дела. Там он мог себя проявить с лучшей стороны, благодаря своей энергичности и непоседливости. Но кропотливые и затянутые расследования навевали на капитана скуку, и он терял к ним интерес. Тем не менее даже зная индивидуальные особенности каждого, специально подбирать что-то отдельное ни для одного сотрудника никто не будет. Работать приходится с тем, что поручают, и выполнять то, что выполнять необходимо.

Капитан Аристархов листал материалы дела, подполковник Капустин, снова нацепив на нос очки, изучал только что полученные через общероссийскую базу данных досье на задержанных. Досье не богатые и не несущие информации, что могла бы помочь в расследовании. Так, скорее, простая отписка...

– Честно скажу... – признался капитан, прочитавший первые протоколы, и уже, кажется, составивший собственное мнение. – Я бы первоначально все действия подполковника Буслаева принял за чистейшей воды психопатию... Удивляюсь, как только вы разобрались! Внешне все выглядит неспровоцированным нападением... Крыша у человека поехала, и – напал...

– Разобрались... – Подполковник Капустин не пожелал сказать, что у него у самого сначала подобная же мысль мелькала, когда он надеялся «сплавить» дело в ментовку за отсутствием в нем интересующих РОСО моментов. – Тоже понимать надо... Это не кто-то, это подполковник спецназа ГРУ... У спецназа ГРУ и нервная система, и все реакции организма совсем не такие, как у обычных людей... Не такие, как у нас с тобой... У них у всех даже группа крови особая...

– Какая? – удивленно раскрыл рот капитан, знающий о существовании только четырех групп крови, отрицательного и положительного резуса, и все.

– Так и называется: группа крови – «спецназ»... Воспитанная и оттренированная группа крови... ДНК у них после упорной подготовки меняется... – Капустин достал из чехла на поясе трубку мобильного, начавшую вибрировать, и посмотрел на определитель номера. – Вот... Что я тебе говорил... Легко на помине... Как чувствует, что о нем говорят...

Капустин нажал кнопку и поднял трубку к уху.

– Я думал, Андрей Васильевич, вы уже на половине дороги до части...

– Я на половине другой дороги... – отозвался подполковник Буслаев напряженным голосом, и Капустин сразу понял – нечто произошло. – В меня стреляли около заправки... Стреляли с окружной дороги, когда я выезжал... Из проходящего автомобиля. Я иду в погоню... Уже вижу их... Старенький, побитый «Ауди А4» темно-синего цвета... Без регистрационных номеров... Меня тоже заметили... Гонят... Оторваться они не смогут... Дорога не та... Да и

на хорошей дороге не смогут... Попробуйте по возможности перекрыть им пути... Предупредите ментов... Преступники вооружены... Выстрел был одиночным... Скорее всего, винтовка, возможно, с оптикой... Из оптики при движении трудно стрелять, потому и промахнулись с такой дистанции...

– Где вы сейчас? – спросил Капустин.

– Пока еще на окружной дороге... На федеральную трассу они выехать долго не смогут... И вообще... Думаю, они хотят прорваться в город... Там легче затеряться...

– Место... Место... Окружная дорога большая...

– Через три минуты будем около выезда на улицу Курчатова... Движемся от северного выезда на федеральную трассу...

– Можете держать постоянную связь?

– У меня на счету денег мало. Пусть кто-то доплатит на мой номер... Другой связи нет... Черт... Целая колонна трейлеров... Придется демонстрировать слалом...

– Ваша машина?

– Ярко-синий новый «БМВ Х3»... Машина более заметная, чем «Ауди»... Пусть на меня ориентируются... В принципе, мы оба едем далеко за сто... Нас и без того заметно... Машину жалко... Только месяц, как купил... Но я их не упущу...

– Понял, я объявляю «Перехват»! Ждите моего звонка... Будем ориентироваться по вашим указаниям, подполковник...

Капустин убрал мобильник в чехол и взялся за трубку внутреннего телефона. Набрал четырехзначный номер дежурного по РОСО и начал спокойно говорить.

– Подполковник Капустин... Тревога! Не учебная уже, предупреди всех... Свободные группы на выезд. Командира я сейчас сам предупрежу. Объявляя план «Перехват», свяжись с ментами, пусть задействуют свои спецсредства... По окружной дороге уходит от погони темно-синяя старенькая «Ауди А4» без номерных знаков. Из этой машины опять стреляли в подполковника спецназа ГРУ Буслаева. Сам Буслаев преследует преступников на ярко-синем «БМВ Х3». Сейчас они где-то около выезда на улицу Курчатова... Да, еще... На номер подполковника Буслаева необходимо перечислить деньги... Это единственная связь... Деньги перечисли и сразу выходи на связь с ним. Подключай к разговору все оперативные машины, чтобы ориентировались... Мы с капитаном Аристарховым тоже выезжаем...

Капустин покосился за плечо. Капитан Аристархов уже стоял и одергивал мундир, показывая подполковнику свою готовность к активным боевым действиям.

– Номер Буслаева? – спросил дежурный.

Капустин продиктовал по памяти. Если он набирал телефон раз, то номер уже запоминал надолго. А номер Буслаева он уже набирал.

– Понял, работаю... – Дежурный по РОСО капитан дело знал, да и каждый дежурный знал, как ему действовать по тревоге, потому Капустин не боялся что-то забыть при первоначальной вводной установке. Дежурный и без него вспомнит, пошлет кого куда надо и позвонит кому следует, чтобы не вышло накладки.

Сам Капустин, не долго думая, набрал по тому же аппарату номер командира РОСО, понимая, что вообще-то взял на себя слегка лишнюю смелость, объявив тревогу, не поставив об этом в известность командира. Обычно тревогу объявляет сам командир или дежурный по звонку сверху. Но время сейчас было слишком дорого, чтобы объяснять ситуацию и только потом начинать действовать, а полковник Сазонов из тех, кто такие вещи понимает...

– Товарищ полковник, подполковник Капустин...

– Всех уже поймал? – спросил полковник, намекая на то, что они только недавно разговаривали, обсуждая действия по текущему делу. Голос же подполковника никак не показывал его торопливости. – Молодец... Слушаю тебя, Игорь Евгеньевич...

– Иннокентий Станиславович... – Капустин всегда с трудом, но старательно выговаривал труднопроизносимое имя-отчество своего командира. – Повторное покушение на подполковника Буслаева. Всерьез, видимо, за него взялись... Но опять промахнулись... Буслаев на своей машине преследует преступников на окружной дороге... Только что позвонил мне, просит оказать помощь в задержании...

– Понял... – Полковник включился в вопрос сразу. – Объявляй план «Перехват»...

– Уже объявил... Только что позвонил дежурному...

– Молодец. Я сам с вами поеду... Только начальству доложу, чтобы все в курсе были...

И в МВД позвоню, чтобы помогли...

– С МВД дежурный свяжется...

– Хорошо, жди меня в штабной машине... Не зря, значит, учились...

– Не зря, товарищ полковник...

Только две недели назад в городе проводились антитеррористические учения. Группе РОСО выпала вводная, почти полностью соответствующая нынешней ситуации. Тоже окружная дорога, правда, на другом участке, подальше от города, тоже преследование машины с террористами, только тогда, согласно условиям, преследование вела машина с вооруженными сотрудниками милиции. Сейчас преследование вел безоружный подполковник спецназа ГРУ. И хорошо, если преступники не знают, что подполковник не вооружен. Тогда они будут опасаться сокращения дистанции, и у помощи есть возможность подоспеть вовремя.

* * *

Четыре готовые группы разъехались.

Выехали они в одном направлении, но скоро должны были поочередно повернуть на боковые улицы, чтобы блокировать хотя бы четыре из пяти вероятных путей, по которым имеет возможность продвигаться погоня. Штабная машина должна была выехать последней и перекрыть пятое направление, наименее предпочтительное с точки зрения удобства передвижения, хотя удобство передвижения – понятие относительное, никто не знал, куда могут проследовать террористы, а если они еще и город знают плохо, тогда их путь вообще может быть нелогичным и не подлежать просчету.

Группа пятой машины была ослаблена в сравнении с другими машинами из-за присутствия в ней командира РОСО полковника Сазонова, который, конечно же, не мог заменить собой боевого подготовленного офицера и наличия в машине компьютерщика со своей техникой. Компьютерщик, естественно, тоже занимал чье-то место. Но эта машина не зря считалась штабной и в боевой обстановке резервной. Кроме того, на пятое направление должны были выставить три свои машины милиционеры, тогда как на остальные они выставляют всего по две машины. Бойцы ОМОНа вместе с инспекторами ГИБДД должны также полностью перекрыть все выезды с окружной дороги в сторону области. Примерно так работали силовые структуры на недавних учениях, и потому в боевой обстановке очевидных сбоев не произошло, если не считать сбоем более медленные сборы. Но это явление естественное, потому что об учениях все знали заранее и заранее к ним готовились, даже в кабинетах сидели в ожидании тревоги в бронежилетах.

Полковник Сазонов задержался, видимо, координируя с руководством областного управления ФСБ действия, и вышел, когда все уже сидели в штабной «Газели», а компьютерщик уже вывел на монитор ноутбука карту города как раз на том участке, где шло преследование.

– Дежурный! Что со связью? Есть Буслаев? – спросил по персональной «переговорке» подполковник Капустин.

– Подключайтесь... Есть связь... – отозвался дежурный. – Пока устойчивая... Как дальше будет, не знаю... Мобильники – вещь ненадежная...

– Включай...

Водитель вдавил до положения фиксации клавишу общего переговорного устройства.

– Андрей Васильевич! Слышишь меня? – Незаметно для самого себя Капустин перешел на «ты», но для боевой обстановки это всегда считалось нормальным явлением и вовсе не выглядело грубостью или панибратством.

– Нормально... – отозвался подполковник Буслаев. – Слышимость удовлетворительная... Только эфирного треска много...

– Телефон ехать не мешает? При быстрой езде...

– У меня «Bluetooth»² синхронизирован со стереосистемой... Нормально еду... – подполковник Буслаев был в разговоре сух, слова произносил кратко, и невольно перед глазами вставала картина, на которой спецназовец поворачивал руль то в одну, то в другую сторону, выполняя сложные повороты на большой скорости. – «Ауди» сворачивает в сторону города... Сразу из третьего ряда. Молодец!..

– На какую улицу? – спросил полковник Сазонов, только что севший на сиденье рядом с водителем. – Перед съездом указатель должен быть...

Полковник тоже не постеснялся переодеться в полевую форму и нацепить бронежилет. И даже автоматом вооружился. Но все в местном управлении ФСБ знали, что автоматом Сазонов владеет виртуозно, стреляет точно из любого положения, хоть от плеча, хоть от пояса, хоть стоя, хоть на бегу, и потому никто вооружению полковника не удивился...

– Нет указателя... – сказал Буслаев. – Черт... Чуть в меня сбоку не въехали... Съезд здесь временный... Ремонтные работы... Расширяют дорогу, что ли...

– Я – Второй, – отозвалась одна из ушедших вперед машин. – Знаю, где это... Хорошо район знаю... Мы едем на перехват. Здесь есть короткий путь... Через дворы...

– Дежурный! – подстраховался подполковник Капустин. – Передай ментам, пусть со второго направления снимут одну машину. На подстраховку Второго...

– Понял, передаю... – отозвался дежурный.

– Едем... – скомандовал полковник Сазонов. – Второй, по какой улице?

– Там съезд на пустырь, оттуда можно попасть на улицу Дзержинского... Вам лучше сразу на Дзержинского выезжать... – отозвался Второй. – Он, наверное, туда покатит... Правда, можно и на Заречную выехать... Но там для «Ауди» дорога сложная... Колея глубокая... Правда, могут и стороной по кучам щебня, если не перевернутся... Если проскочат, попадут в новый микрорайон... Там не все дома заселены... Среди строек есть где спрятаться...

– Ты так же хорошо весь город знаешь? – одобрительно спросил полковник Сазонов.

– Живу рядом... – последовал ответ. – С собакой там гуляю...

«Газель» уже стремительно преодолевала городские улицы. Магнитную «мигалку» на крышу выставили, но пока надобности включать ее не было. Даже на перекрестках, потому что машина попала в так называемый «зеленый коридор», и светофоры помогали быстрее добраться до места. Но куда ехать, точно пока определено не было.

– Андрей Васильевич? – спросил Капустин. – Что у тебя?

– «Ауди» из поля зрения не теряю... Они едут через пустырь... Дистанцию пока не сокращаю, хотя возможность имею – здесь моя дорога...

– Не сокращай, могут стрелять... – согласился подполковник Капустин.

– Я – Второй... Куда едут через пустырь? Направо или налево?

– Прямо... – сообщил подполковник спецназа.

– Там нет выезда... Там канава метр в ширину и метр в глубину... Я уже рядом, через две минуты выеду слева... Не сокращайте дистанцию...

² «Bluetooth» – фурнитура мобильного телефона, позволяющая разговаривать без трубки.

– Понял. – Буслаев звучно хмыкнул. – Дайте кто-нибудь автомат поносить... Они останавливаются... Все... Увидели канаву... Бросают машину... Трое... Два автомата и СВД³ с самодельным глушителем...

– Откуда знаете, что самодельный?.. – невовремя задал вопрос полковник Сазонов.

– Я все глушители знаю... В том числе и импортные... Этот слишком тяжелый, нарушает баланс при прицеливании... Самоделка... Потому и не попали... В движущейся машине баланс установить невозможно...

В регионе с самодельными глушителями сталкиваться приходилось нечасто, и потому Сазонов сам не умел еще отличать фирменный от самоделки.

– Я – Второй, куда они бегут?

– От меня...

– В сторону канавы?

– Должно быть, мне канаву еще не видно... Ориентируюсь по твоим словам...

– Я на пустырь не еду, сворачиваю раньше... Буду здесь их перехватывать...

– Понял, – отозвался Буслаев. – Я встану вплотную к их машине, чтобы не вернулись... Они думают, что я вооружен... Иначе подождали бы меня на месте... Оп-па... Стреляют... Ну вот...

– Что там?

– Еще три дыры в стекле... И заднее сиденье... Да, и заднее сиденье продырявили... Чего они раньше ждали...

– Раньше они рассчитывали выстрелить и убить... – предположил полковник Сазонов. – Они никак не рассчитывали, что за ними будет погоня... Не из храбрых ребята...

– Типичные боевики... – сказал Буслаев со знанием дела. – Пострелять и убежать... Потом, когда попадутся, все, как один, мамой клянутся, что не стреляли...

– Что там? – спросил подполковник Капустин. – Не стреляют больше?

– Мне их не видно... Спустились с горки... Сейчас подъезжаю к машине... Вижу... Бегут... К другой машине...

– Я – Второй... Я их вижу...

– Вижу тебя, Второй... «Газель» с мигалкой...

– Да... Это мы...

– Не успеваешь... Они раньше добегут... Стреляйте по второй машине! Есть «подствольник»? Прямой наводкой... Притормозите... Вот так... Хорошо...

– Что там? – полковник Сазонов требовал информацию.

– Ожидающая машина горит... Боевики бегут в другую сторону...

– Я – Второй... От нас не убегут...

– Осторожнее, они, кажется, готовятся отстреливаться... – предупредил Буслаев. – Ну как же так!.. Второй! Второй! Как вы там?

Второй не отвечал...

– Андрей Васильевич, что случилось? – обеспокоенно спросил полковник Сазонов.

– «Газель» перевернулась... Упала в котлован... Бандитам прострелили колеса... И... Я туда бегу...

– Мы уже с другой стороны приближаемся, – подсказал подполковник Капустин. – Судя по карте, мы совсем рядом. Не преследуй их... Не подставляй себя...

– Наоборот... Необходимо преследовать... Иначе оторвутся... – У подполковника Буслаева сильно изменился голос. – Необходимо держать их в пределах видимости...

– Что с тобой, Андрей Васильевич? – спросил Капустин. – Не ранен? Голос изменился...

– На бегу разговариваю... Через трубку... Они отстреливаются нецельно...

³ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

- Мы слышим очереди... Едем прямо в сторону стрельбы... Другие машины перекрывают все возможные пути отхода... Кто ближе других?
- Я – Четвертый, еду по следам Второго... Сворачиваю на пустырь...
- Окажи помощь...
- Понял...
- Первая машина – к бою!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Я даже издали видел, как тяжело, натужно бежали боевики. Да, «дыхалка» у них такая, что я догнал бы и перегнал их трижды на любой дистанции, и вообще, имея я в руках автомат, я не позволил бы им бегать так свободно и дыхание сбил бы окончательно. Дыхание легко сбивается даже у тренированных людей, когда пули на бегу время от времени заставляют их лечь. Первоначально у меня появилось желание не преследовать противника, а добежать до «Газели», упавшей в котлован, и вооружиться. Но тогда бы я, скорее всего, уже не смог продолжать преследование, потому что остался бы оказывать помощь пострадавшим. Но сейчас на помощь ехала другая машина. Четвертый поможет. А мне лучше время не терять, потому что машина с подполковником Капустиным может опоздать и беглецы достигнут жилого квартала, где стрельба среди жилых дворов может принести много бед. И я старался задержать их передвижение своим присутствием. И это удавалось, потому что то один, то другой из автоматчиков почти останавливался, чтобы дать в мою сторону очередь. Снайпер останавливаться не желал, он задыхался больше других и бежал последним. Смешно было бы смотреть, как он с таким дыханием прицеливается. Ствол обязательно будет гулять в такт дыханию. Да и автоматчики меткостью не блистали. Я видел и слышал, как пули ложились в щебень в стороне, в нескольких метрах от меня. И видел уже по направлению ствола, куда уйдет очередь.

Вообще-то эти, что бежали передо мной, на настоящих боевиков и не тянули. Характера не хватало. Те, кто характером обладают, в лесу чаще прячутся. Эти, видимо, давно город облюбовали. И стрелять привыкли исподтишка. Лесные боевики тоже такую стрельбу любят, но те меньше к панике склонность имеют. Постреляют из засады в спину и отходят разумно. Не все, конечно, но большинство из них. Эти же разумно отходить не умели, не хватало хладнокровия. Они просто бежали. И бежали не от вооруженных людей, бежали втроем от безоружного человека. Могли бы хотя бы задуматься, почему я не стреляю. Вывод естественен – не из чего мне стрелять. Но у них в голове, вероятно, не укладывалось, как может подполковник спецназа ГРУ, не имея оружия, преследовать их. Если так настойчиво преследует, если прилип, то желает уничтожить... И потому бежали от страха. Конечно, они стреляли еще и в «Газель» с «мигалкой», и понимали, что в преследовании не я один принимал участие. Но хотя бы остановиться на тридцать секунд могли бы себе позволить, чтобы основательно всем вместе накрыть меня «огнем». Однако явно сказывалось отсутствие опыта... Даже странно, что таких людей против меня послали. Но если таких послали, значит лучших нет...

Вскоре я увидел новую «Газель». Она как раз ехала туда, куда и следовало. Четвертый спешил на помощь Второму. И почти на ходу из машины выскочили два автоматчика и сбоку присоединились к преследованию. Теперь уже беглецам останавливаться было просто опасно. А пара очередей, разрыхливших у них перед ногами землю, заставила их только сильнее петлять, следовательно, удлинять свой путь и более активно сбивать дыхание.

– Я – Первый, вижу вас...

Я тоже увидел Первого. Третий микроавтобус заехал с другой стороны, но он тоже не имел возможности пересечь беглецам путь, потому что очередная канава мешала проезду.

– Я – Второй... У меня связь повреждена, пользуюсь связью Четвертого... – раздался голос, который все желали услышать.

– Что у тебя с людьми? – спросил в первую очередь Первый.

– Все живы... Слегка поломались... Сейчас я выберусь наверх... – Второй заговорил прерывисто, он, видимо, карабкался по откосу. – Вижу вас... Товарищ полковник... Они бегут в сторону детского сада... Сразу за стройкой, чуть левее забора, детский сад... Там дети... На площадке гуляют... Мы проезжали, я видел... Гуляют... Эти могут успеть... Да, туда поворачивают... Явно... Товарищ полковник... Там дети...

Второй кричал в микрофон.

Незнакомый мне полковник ни секунды не сомневался в правильности своего поступка.

– «Огонь» на поражение! – отдал он приказ.

Пауза в несколько секунд говорила о том, что автоматчики прицеливаются. Короткие рваные очереди послышались сразу с двух сторон. Дистанция для стрельбы была средней, и опытному автоматчику грех было бы промахнуться...

Боевики сразу начали спотыкаться... Оружие вываливалось из рук на бегу...

Я подбежал к ним все же первым...

* * *

– Полковник Сазонов, командир РОСО, – протянул мне руку коренастый человек, погоны которого прикрывал бронежилет.

– Подполковник Буслаев, заместитель командира бригады спецназа ГРУ по боевой подготовке, – представился я в ответ.

Трое боевиков лежали у наших ног, только один снайпер еще дышал, но в его теле сидело не меньше десятка пуль, и надежды на то, что медики из «Скорой помощи» смогут застать его живым, было мало. Фотограф РОСО щелкал фотокамерой, запечатлевая тела двух автоматчиков в той позе, в которой их застала смерть. Снайперу еще пробовали оказать помощь, хотя я лично не видел, чтобы кто-то выжил с такими ранениями.

– Во взорванной машине четвертый был... – подсказал я.

Отсюда взорванную гранатой из «подствольника» машину видно не было из-за высоких куч щебня, хотя дым оттуда еще шел. Но полковник обернулся.

– Там уже наши сотрудники... – подсказал подполковник Капустин. – Сейчас из прокуратуры приедет бригада. Будем составлять протокол. Тебе, Андрей Васильевич, сегодня уехать, видимо, так и не удастся...

– В крайнем случае, поеду ночью... – отмахнулся я. – Если ты не возьмешь с меня «подписку о невыезде»... Хотя оснований к этому не вижу...

Какой-то тощий и долговязый капитан снял бронежилет и укладывал его на сидение через открытую боковую дверцу «Газели».

– Подписку следовало брать после первого покушения... – изрек он внушительно. – Тогда бы и второго не было... И мы бы машину не разбили...

– Лучше бы до первого покушения... – заметил я строго.

Капитан, кажется, юмора не понял и, соображая, наморщил лоб, хотя и это, кажется, мало помогло понять, в чем соль шуток. Есть такие люди, которые юмор воспринимают только тогда, когда сами его в муках на свет производят, и сами же над сказанным смеются...

– И еще четыре боевика гуляли бы, вооруженные, на свободе... – добавил подполковник Капустин. – Капитан Аристархов предлагает сменить свободу боевиков на неразбитую машину... Я так понимаю...

– Нет, я... – Капитан не нашелся, что ответить, да никто в его ответе и не нуждался..

Документы троих боевиков были собраны, документы четвертого сгорели вместе с ним в машине. Капустин передавал по связи данные из имеющихся документов дежурному, чтобы тот оперативно проверил всех по базе данных.

– Обрати внимание, что все трое по национальности чеченцы, но жители Ингушетии... – попросил подполковник. – Надо напрямую с Ингушетией связаться. У них там в последнее время неспокойно, и многие данные в общую базу просто не успели отправить. В любом случае, даже если их нет в общероссийской базе, может быть в республиканской... Пусть поищут...

– Запрос пусть отправляют через Москву... – подсказал полковник Сазонов. – Я с Москвой уже разговаривал. От нас ждут результата. И так быстрее будет...

Капустин передал и приказ полковника.

Сам Сазонов рассматривал глушитель, только что снятый им с СВД.

– И как, Андрей Васильевич, вы умудрились издать замечать, что глушитель самодельный? Я и сейчас сомневаюсь... – сказал полковник.

– Трудно сказать, товарищ полковник... – Мне и в самом деле трудно было сказать, откуда у меня появилась уверенность еще при взгляде на глушитель издали. – Скорее всего, конфигурация... И еще видел, как он винтовку держал... Тяжелый глушитель... Перевешивал... Если бы еще под ствол треногу ставить, можно было бы стрелять... А так – неразумно... Неумелое изготовление, без просчета баланса... Развинтите... Трубка на станке выточена, от заводской не отличишь, оксидирована... Внутри прокладки наверняка вручную вырублены. Из первой попавшейся резины... Возможно, из автомобильной камеры... Я такие уже видел...

– Спецназ ГРУ – вне критики и конкуренции... – дал оценку тот самый капитан, у которого отсутствовало чувство юмора. – Капустин уверяет, что у них группа крови особая... Спецназовская... Потому и видят все...

Капитан явно хотел подольститься после только что прозвучавшей в его адрес отповеди двух подполковников. Но откровенная лесть показалась ему излишне прямолинейной, и потому он припел подполковника Капустина. Если Капустин и говорил это, то говорил не мне, следовательно, он не льстил. Капитан же, передавая слова подполковника, льстил изошренно.

– Меня, товарищ полковник, другой вопрос сейчас интересует... – заметил я, даже не обернувшись в сторону капитана, которому бронежилет, кажется, мозоли на погонах натер. – Я только Капустину и брату сообщил, что собираюсь сегодня уехать в часть. Но меня явно ждали... Я далек от мысли обвинить подполковника Капустина в разглашении информации, еще более далек я от мысли выдвинуть такие обвинения против брата, но вижу только два варианта развития событий. Первый – кто-то прослушивал мои разговоры, второй – кто-то умный руководит всеми этими событиями и просчитал мое поведение... Последнее предпочтительнее, как мне кажется... Этого умного среди убитых нет, как я полагаю, потому что умный не будет действовать так безграмотно. И потому, если он есть в действительности, его следует искать...

– У меня эта же мысль возникла, когда первый из покушавшихся разговаривать начал, еще там, в машине... – заметил подполковник Капустин. – И именно поэтому я не считаю дело раскрытым и завершенным. Кто-то из руководителей операции должен быть у нас под боком, и человек этот опасный. Не его вина, что хорошие исполнители в дефиците, и оба покушения были неудачными. Он будет искать других исполнителей...

– Значит, и его следует искать... – сделал вывод полковник Сазонов. Вывод естественный для любого руководителя. – Причем искать по полной программе, при наивысшей активности. Ты, Игорь Евгеньевич, как здесь закончишь, сразу ко мне... Обговорим ситуацию... А пока я поехал начальству докладывать... Любая стрельба в городе – событие из ряда вон выходящее. А стрельба, открытая дважды за один день, – это катастрофа... Могут оргвыводы последовать...

* * *

Если после дневного покушения я обошелся беседой с операми, то сейчас пришлось познакомиться и со следователем по особо важным делам областной прокуратуры, старшим советником юстиции, а проще – полковником Растегаевым, Иваном Дмитриевичем Растегаевым, который сразу при знакомстве, глядя через очки с толстыми линзами, строго-настрого предупредил:

– Моя фамилия пишется с одной буквой «с», потому что происходит не от пирога расстегая...

– Я запомню, Иван Дмитриевич, – согласился я, слегка удивившись, что взрослый, солидный человек такое важное значение придает написанию своей фамилии и тратит на объяснения свое драгоценное время. Я вот, например, знал, что меня, тогда еще лейтенанта или, позже, старшего лейтенанта, солдаты за глаза Будулаем звали по малограмотности. Впрочем, это не их малограмотность, а малограмотность нашего образования. Отсюда все и вытекало, отсюда фамилию популярного в те времена цыгана-киногероя люди знали лучше, чем мифологию своего народа. Мифологию от нас старательно прятали и прячут до сих пор, чтобы, не привести господи, люди не почувствовали гордость за свою национальность, а пустых киногероев, и не только «будулаев», усердно пропагандируют. Но я не обижался. – А вы расстегайчики любите? Если что, прошу в гости, у меня жена их удивительно вкусно готовит. Рыбный фарш мешает с зеленым луком... Ни в коем случае не с репчатым, а только с зеленым, и чтобы его было много... Удивительно вкусно получается...

По глазам Ивана Дмитриевича я понял, что совершил смертельную ошибку. Старший советник юстиции посмотрел на меня так, что я не удивился бы, подпиши он сейчас постановление о моем аресте. Впрочем, в нынешние времена, кажется, такое представление подписывается только решением суда, и я, наверное, могу пока чувствовать себя свободным человеком и наслаждаться своей свободой.

Процедура составления протокола не заняла для меня много времени, поскольку я был не главным героем происходящих событий. Я был статистом. Активным, правда, но только статистом. А со статиста спрос малый. Статист – это только чуть-чуть больше, нежели свидетель.

Завершив дачу показаний и подписав один из многочисленных протоколов, я все же выразил старшему советнику юстиции свое недоумение по поводу акцентов, которые он составляет в расследовании.

– Простите, Иван Дмитриевич... Мне показалось, что вас совсем не интересуют выстрелы, раздавшиеся в мою сторону, а интересуют только действия сотрудников РОСО. Может быть, я чего-то не понимаю, и вы расследуете их действия?

Растегаев ничего не ответил, только взгляд его через линзы красноречиво подсказал, что лезу я не в свое дело. Может быть, и так...

С подполковником Капустиным разговаривалось легче. И потому я предпочел отойти к нему.

– Игорь Евгеньевич, так я, наверное, могу ехать?

– В часть? – скучным тоном поинтересовался подполковник.

– В сервис... – вздохнул я. – Стекла в машине менять...

– Счет взять не забудьте... Мы его к делу приложим. Попробуем возместить убытки...

– Это было бы совсем неплохо, потому что с моими заработками стекла менять накладно... Правда, мне страховая компания счет оплатит, а она уже пусть вам свой счет выставит, а вы кому следует его переадресуете...

– Маленькая просьба напоследок... Если не трудно, постарайтесь обойтись сегодня без очередного покушения на вас, – мягко попросил Капустин.

– Я попробую... – вяло пообещал я.

* * *

Конец рабочего дня, наступивший для большинства горожан, меня волновал мало, поскольку автосервис, где обслуживалась моя «БМВ», как я помнил, работал в две смены и до двадцати двух часов. Кроме того, я вполне был готов к разочарованию, которое для меня обязательно должны были подготовить тамошние работники.

Они, разумеется, подготовили:

– Боковые стекла – проблем нет... Они всегда в запасе... В дверцах часто бьют... Шпана на парковках по салонам шарит... За полчаса оба сменим... А вот лобовое... М-м-м...

Мычание звучало многозначительно. Стаду коров постараться следует, чтобы научиться мычать так солидно и загадочно. Это высокий профессионализм работников любого автосервиса, и я это мычание понимать научился не хуже, чем откровенную человеческую речь.

Но я знал, как выйти из положения. Для этого, все понимая, возмущаясь в душе, все же следует принять игру и невинным голосом задать естественный вопрос:

– И как мне быть? Сменить срочно требуется...

Взгляд оппонента сразу сделался задумчивым и мудрым.

– Есть тут человек... Стеклами торгует... Доставит сразу...

– Сколько? – скромно спросил я.

– One hundred⁴... Это ему за доставку... Остальное по прейскуранту...

Поскольку основополагающая стандартная фраза прозвучала на плохом английском, я понял, что требуется не сотня рублей, а сотня баксов. Слава богу, что у нас фунты стерлингов не в ходу... Но на сотню баксов я, в принципе, и рассчитывал, зная устойчивость курса спекулянтов и вымогателей. И без разговоров выложил зелененькую бумажку. Естественно, эту сумму в счет для страховой компании никто включать не будет. Это уже мои накладные расходы, своего рода плата за то, что покушение было неудачным.

Дыры в заднем сиденье, куда угодили пули, прошедшие через лобовое стекло, я решил заделывать самостоятельно. В сервисе такой ремонт мог бы дорого обойтись, а главное, стать затяжным, а я еще рассчитывал сегодня отправиться домой...

* * *

Ремонтные работы заняли часа полтора вместо обещанных полчаса. Я это время провел в салоне автосервиса, успел выпить три разных сорта кофе из автомата и рассмотреть всю витрину со множеством не очень нужных для машины причиндал, на которые, впрочем, вероятно есть покупатели, если их продают. Когда мне вручили ключи от машины, я уже готов был пешком идти до дома. Но если появилась возможность ехать, я поехал...

Однако выехать из города не успел – позвонил Капустин.

– Андрей Васильевич, я тебя порадовать конечными результатами не могу, однако у меня уже есть данные по двум автоматчикам и снайперу... Не знаю, насколько тебе это лестно, но покушение на тебя совершали профессиональные повара...

– То есть... – поинтересовался я, внезапно вспомнив, что не обедал сегодня и что время ужина тоже уже проходит.

– Вернее, не совсем так... Один из них – снайпер с СВД и самодельным глушителем, этот был поваром в маленьком кафе «У горного ручья»... Двое других, автоматчики, числи-

⁴ One hundred (англ.) – одна сотня.

лись в этом же кафе кухонными рабочими... Хозяин кафе – некий ингуш по национальности, Мовлади Базуев. Человек незаметный, тихий, непримечательный, одним словом... Сейчас начинаем его проверять... Но не это самое интересное... Самое интересное в том, что в кармане одного из снайперов, что стреляли в тебя утром, была фирменная салфетка этого кафе с записанным на ней телефоном. Телефон мы проверяли... Это «девочка по вызову»... Популярная, видимо, у кавказцев... Но салфетка из кафе...

– Ты поужинать как, не желаешь? – Кажется, мы с Капустиным, сохранив взаимное уважение, перешли на «ты» устойчиво.

– Желаю, но только дома... Я дома уже почти двое суток не был... И тебе не рекомендую проявлять инициативу, пока мы не закончим проверку. Можешь только спугнуть...

– Ужин, как и обед, должен быть горячим, чтобы не страдало пищеварение... – возразил я иносказательно.

– Тем не менее... Потерпи до утра... Утром, если будет необходимость, можем вместе там позавтракать... Кроме того, я предполагаю, что все трое погибших боевиков только числились в кафе, а в действительности там работали другие люди. Может быть, их жены... Это общепринятая у кавказцев практика... Если Базуеву приказали, он оформил на работу боевиков. Вот и все... И это тоже общепринятая практика... И ничего больше там найти невозможно... А если там есть что-то серьезное, ты только испортишь своим визитом все дело... Нужна подготовка. Тебе, как разведчику, это объяснять не надо...

И с его словами нельзя было не согласиться.

– Хорошо... Я уже в дороге... К утру я вернусь... Тогда и позавтракаем...

– Обещаешь, что мы сегодня больше не увидимся?

– Кто знает, что может в дороге произойти...

– Стекла в машине вставили?

– Все в порядке... Только сиденья остались дырявые, но у меня машина с мужским характером, а мужчину шрамы украшают...

– Тогда – до завтра...

– Тогда – до завтрака...

* * *

Странное ощущение не проходило...

Я ехал мимо заправки, рядом с которой несколько часов назад пуля пробила стекла в обеих передних дверцах моей машины, я смотрел по сторонам, и мне все время казалось, что дело еще не завершилось, и в меня снова будут стрелять. Я, честно говоря, не просто ждал выстрела или других действий, я хотел продолжения действий боевиков, чтобы с третьего захода завершить дело с лучшим результатом и больше к нему не возвращаться. Серьезные дела редко решаются просто. Мне необходимо было найти причину, по которой меня не хотели пускать в Чечню. А для этого следовало добраться сначала до бригады...

Вздыхнув, я выехал на федеральную трассу, загруженную в это время суток только в одном направлении. Машины спешили до наступления вечера добраться до города. Обратное направление движения, то, что выбрано мной, было открыто для быстрой езды, чем я с удовольствием и воспользовался, вдавив педаль акселератора в пол, хотя и не лихачил. Через двадцать километров свернул с федеральной трассы на боковую дорогу, тоже неплохую, и здесь уже погнал в пределах допустимого, поскольку двигатель моей «БМВ» позволял эти пределы при необходимости без проблем игнорировать. Я пока не игнорировал, но понимал, что если меня и будут караулить на дороге, то именно на этой. А попасть в быстро едущую машину трудно. Правила я нарушал беззастенчиво, прекрасно понимая, что высокая скорость представляет не меньшую опасность, чем выстрел.

До военного городка на окраине райцентра я добрался без происшествий и, не заезжая домой, сразу отправился в штаб бригады. Вернее, я решил сначала проехать мимо здания штаба, чтобы посмотреть, в каких окнах горит свет.

Свет в кабинете командира бригады горел.

Тогда я смело свернул в сторону служебной стоянки...

2

По крайней мере, со следователем, как считал Капустин, им повезло однозначно. С Иваном Дмитриевичем Растегаевым вполне можно было плодотворно работать. Нудный и скучный в обыденной жизни человек, с которым вряд ли найдется желающий посидеть за одним столом, он был дотошным и вдумчивым в работе, никогда не делал скоропалительных выводов, но когда выводы делал, они всегда были правильными и логичными. Капустин уже несколько раз работал с ним в одной упряжке и всегда чувствовал удовлетворение от совместной работы с ним.

Конечно, время наступило такое, что каждый следователь прокуратуры не слишком уверенно себя чувствовал, потому что в течение месяца все следователи должны были перейти из прокуратуры в недавно созданный следственный комитет, и такая реорганизация доставляла не только лишние хлопоты, но и беспокойство – вдруг что-то будет не так, вдруг да не подойдет кто-то по своим деловым качествам для новой структуры. Это сказывалось на работе, нервировало людей. Но внешне Иван Дмитриевич Растегаев казался спокойным, и подполковник Капустин считал, что на него можно положиться.

Едва подполковник вернулся вместе с капитаном Аристарховым в кабинет, как ему привезли копии всех протоколов от Растегаева. Иван Дмитриевич, в дополнение ко всему, был еще и человеком обязательным. Приходилось только удивляться, почему многие опера ФСБ вообще и РОСО, в частности, не любят с ним совместно работать.

Капитан Аристархов мельком просмотрел протоколы и переложил их на стол Капустина. Тот их читать не стал, потому что сам подписывал все, кроме одного, который заверял подполковник Буслаев, но и с ним он уже успел познакомиться. И просто сразу подшил все бумаги в папку с делом.

– Я вообще-то считаю, что спецназ ГРУ и спецназ МВД и все прочие наши многочисленные спецназы, – капитан внезапно решил пофилософствовать, – не менее опасны для общества, чем затаившиеся боевики. А спецназ ГРУ втрое опасен...

– Откуда такая уверенность? – спросил Капустин холодно.

– Это же естественно... Я вообще не понимаю, почему спецназ ГРУ участвует в анти-террористических мероприятиях. Они же не антитеррористы. Они по своему профилю террористы... За счет государства отлично, можно сказать, великолепно обученные террористы... И ни один бандит из чеченских гор в мастерстве террора с ними не сравнится... Я, конечно, понимаю, что огульно судить обо всех нельзя... Но мало ли что может случиться с человеком. «Уйдут» его из спецназа по какой-то причине, из армии метлой погонят... И гуляет по стране профессиональный террорист, который, кроме террора, ничем заниматься не может... Не умеет другого делать, кроме как взрывать и убивать...

– Молодой человек. – Капустин тяжело вздохнул для того, чтобы взгляд был внушительным, еще и очки снял. – Они не террористы. Они – диверсанты... Диверсанты, прекрасно обученные, великолепно обученные, и ни одна современная армия мира не в состоянии быть достойной уважения, если она не имеет таких профильных частей. А таких качественных частей, как наш спецназ ГРУ, не имеет вообще ни одна страна мира. Это уже многократно проверено на совместных учениях со спецназовцами разных стран... Поэтому ты сейчас говоришь глупость, и я буду только рад, если ты говоришь это по глупости, а не по убеждению... На

этом предлагаю подобные разговоры прекратить и не возобновлять впредь... И вообще офицеру антитеррористического подразделения ФСБ положено видеть разницу между профессиональным диверсантом и террористом... Сейчас время даром не теряй, а подготовь-ка мне план своих действий, потом согласуем его с моими планами... Можешь в своем кабинете заниматься делом. Телефон твой, полагаю, в справочнике есть... – Ладонь подполковника легла на тонкий справочник внутренних телефонов управления.

– Есть, товарищ подполковник. Разрешите идти? – Аристархов обиделся на отповедь, но перед старшим по званию постарался обиду не показать, хотя не заметить ее было трудно.

– Подожди... Сначала вот что сделай... По всем возможным базам данных проверь всех троих убитых и доложи мне... Потом планами занимайся... Иди...

Капитан ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь, которая так и норовила хлопнуть насквозняке. Другой бы на его месте мог умышленно дверь отпустить, чтобы хотя бы стуком свое несогласие выразить. Этот не решился...

* * *

Капустин помнил приказание полковника Сазонова явиться сразу после возвращения, он позвонил командиру, но того на месте не оказалось – вызвали для доклада в областное управление ФСБ. Чтобы не терять время и чтобы было что сказать полковнику, Капустин сразу сел за составление своего плана следственно-розыскных мероприятий и не снимал очки до тех пор, пока не позвонила дочь:

– Пап, ты сегодня-то хоть появишься?

– Постараюсь... Я сегодня до девятнадцати часов дежурю в следственной бригаде... После этого планирую отдохнуть дома... Мама не звонила?

– Три раза... Тебе в кабинет дозвониться никак не могла, мобильник твой не отвечает...

– Я же позавчера сим-карту сменил... Не успел сообщить... Я сам ей позвоню... Вечером жди... Сразу после сдачи дежурства...

Положив трубку городского телефона, подполковник подумал, вытащил мобильник и набрал номер сотового телефона жены.

– Привет... Номер высветился?

– Привет... И номер, и ты высветился... А то совсем в тень спрятался...

– Это мой новый номер... На старый стали слишком много SMS присылать... Все больше с предложениями познакомиться... Как у тебя дела?

– По-прежнему... И неизвестно, сколько это продолжится... По крайней мере, месяц здесь точно пробуду... Маму поддержать надо...

У отца жены недавно случился инсульт, у него парализовало правую половину тела, и жена спешно уехала помогать матери ухаживать за больным отцом. Рассчитывала, что уедет всего на неделю. Но мать одна – с трудом справлялась с больным, и пришлось задержаться. Уже третью неделю ухаживает. И жена не знает еще, что Игорь Евгеньевич собирается на полгода ехать в Чечню. Вопрос о командировке решился уже после ее отъезда. Лучше будет сразу сообщить, когда уже все будет известно и дату назовут. В любом случае, дочь уже взрослая, первокурсница технического университета, человек она серьезный, и оставить ее одну не страшно. С квартирой справится...

– Ладно, я сейчас занят, только что с выезда прибыл, спешу к начальству с докладом... Всем привет передавай... Я сегодня до вечера в следственной бригаде дежурю... Как освобожусь, сразу домой поеду, отсыпаться. Вторые сутки на ногах... Звони домой... Ради тебя я проснусь... Денег не надо?

– Пока не надо...

– У меня все равно нет... Пока...

Едва Капустин убрал трубку, в дверь постучали, и уже привычно сунул голову в дверной проем капитан Аристархов.

– Заходи... – кивнул Игорь Евгеньевич. – Есть что-то?

Аристархов молча положил на стол несколько страниц принтерной распечатки вместе с портретами. Подполковник надел очки и сразу начал читать. Все трое убитых боевиков участвовали в первой чеченской кампании. В самом начале второй кампании они тоже недолго повоевали, потом сдались и после амнистии уехали из Чечни, чтобы не быть там преследуемыми боевиками... Проживали сначала в Ингушетии, потом в разных городах России, нигде подолгу не задерживались, максимум, полгода... Переезжали в другое место вместе с семьями... Конфликтов с правоохранительными органами не имели, задержанию не подвергались... Вместе сошлись только здесь, работали в одном месте, в кафе «У горного ручья». Один – поваром, двое других – кухонными рабочими. На отдельном листе короткая справка на хозяина кафе, Мовлади Ахматовича Базуева, ингуша по национальности, уже четыре года проживающего в областном центре, в который он прибыл из Певекского района Чукотки. Справка, ни о чем не говорящая. Не делал, не состоял, не привлекался... Еще небольшая справка из налоговой инспекции о доходах кафе. Никаких, практически, доходов... Хозяин еле-еле концы с концами сводит. Вот и все, что капитан Аристархов смог накопать...

Капустин поднял глаза, ожидая устного комментария.

– Там... – кивнул капитан Аристархов на лежащую на столе папку с делом. – Там перечень предметов после личного обыска двоих задержанных утром...

– Салфетка... – сказал подполковник, понимая, о чем речь.

– Да, салфетка с фирменной монограммой кафе «У горного ручья». И телефон...

– Проверь телефон...

Капитан раскрыл папку, чтобы переписать номер.

– Еще что-то?

– Пока ничего. Я разослал запросы по всем населенным пунктам, где проживали до прибытия в наш город убитые. Просил сообщить о любом преступлении, теракте или попытке теракта, короче, о всех нераскрытых делах, где могут быть замешаны кавказцы. И отправил запрос в Певек на Мовлади Ахматовича Базуева. Жду ответов...

В принципе, Аристархов сделал все, что должен был сделать опытный опер. Он даже про салфетку не забыл, следовательно, материалы дела читал внимательно. Но опытный опер – это еще не тот человек, с которым обязательно приятно работать в паре.

– Хорошо... Насчет телефона поторопись... И не забудь про план мероприятий...

По правде говоря, надежд с телефонным номером Капустин не связывал никаких, просто хотел, чтобы Аристархов побыстрее ушел в свой кабинет и дал ему возможность в спокойной обстановке написать собственный план розыскных мероприятий, потому что полковник Сазонов должен был уже вскоре вернуться. Кроме того, у обоих утром задержанных были с собой записные книжки со множеством телефонов, и, судя по номерам, из разных городов России. Все телефоны проверять смысла нет, хотя их перечень придется все же ввести в базу данных, чтобы идентифицировать по возможности с номерами, когда-то попавших в поле зрения анти-террористических подразделений людей. Если в этот раз нельзя будет идентифицировать, то телефоны все равно останутся в базе, чтобы потом кто-то другой мог ими при необходимости воспользоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.